
ЛИНА ДЕЕВА
НЕПОКОРНАЯ ЖЕНА СЛЕПОГО ЯРЛА

Лина Деева
Непокорная жена слепого ярла

https://litres.ru/74698304

Аннотация

БЕСТСЕЛЛЕР ЛИТНЕТ

Случайное падение с борта яхты — и водоворот в Согнефьорде утянул меня в эпоху викингов. Теперь я рабыня зажиточного бонда Ульрика, и у меня нет ничего, кроме тяжёлой работы, наступающей зимы, недобрых намерений приёмного сына бонда… и желания других сделать меня разменной фигурой в борьбе кланов.

Но мы ещё посмотрим, кто здесь пешка, а кто королева!

Вас ждут:

сильная героиня

настоящий мужчина, которого не сломило даже увечье

жизнь с нуля

суровый и прекрасный мир викингов

интриги и приключения

Книга участвует в литмобе "Северная жена"

Первая книга дилогии.

Продолжение: вышло продолжение

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	56
Глава 12	62
Глава 13	67
Глава 14	72
Глава 15	77
Глава 16	84
Глава 17	90
Глава 18	95
Глава 19	100
Глава 20	105
Глава 21	112
Глава 22	116
Глава 23	122

Глава 24 128
Глава 25 133
Глава 26 138
Глава 27 144
Глава 28 149
Глава 29 155
Глава 30 161
Глава 31 166
Глава 32 171
Глава 33 176
Глава 34 183
Конец ознакомительного фрагмента. 184

Глава 1

Ледяная вода обжигала до боли. Необоримая сила тянула вниз, и ни отчаянные болтыхания, ни спасжилет — ничто не могло с ней тягаться.

Шум в ушах — крови, воды? Стальной обруч сжимал грудь — воздуха! Хотя бы глоток!

Темнело в глазах, силы убывали по экспоненте…

И перед внутренним взором проносилась отнюдь не вся прошлая жизнь, а так. Отрывок.

***

— Инга! Ну правее сядь! Ещё правее!

— Да я упаду, — пробурчала я под нос, однако подчинилась.

Спорить с Дашкой было делом бесполезным — проверено со времён первого класса.

— Вот, наконец-то!

Лучшая и единственная подруга довольно улыбнулась и

навела на меня камеру, состоявшую, казалось, из одного объектива.

«А ты как хотела? — риторически вопрошала Дашка, готовя эту махину к прогулке по насыщенно-синим водам Согне-фьорда. — Такую красоту надо снимать на нормальный фотик, а не лапоть какой-нибудь!»

Нет, я не возражала: виды высоких, изрезанных берегов «Королевского фьорда» были настоящим удовольствием для глаз. А если бы объективу удалось поймать радугу над зеркальными водами, с каким удовольствием потом пересматривались бы эти фотографии в серой Москве!

— Инга, замри! Вот прямо с таким задумчивым лицом. Супер! Ещё кадр и… Ага, точно! Вставай. Вон туда, на край, и вполоборота ко мне.

— Хэй! Фрёкен! Не выдумывайте!

Я извиняющеся улыбнулась седовласому капитану, сердито кричавшему нам из-за штурвала маленькой яхты и всё-таки встала у низкого поручня. Дашка чужое возмущение вообще проигнорировала (чему очень способствовало её незнание норвежского).

— Блин, этот спасжилет всё портит, — пожаловалась она. — Инг, может, снимешь его? На секундочку.

— Тогда капитан нас с тобой с борта снимет, — наконец воспротивилась я подругиному энтузиазму. — Даш, это безопасность.

— Угу. — Дашка была разочарована, но против лома нет приёма. — Ладно, стой так. Только голову чуть запрокинь, чтобы вот это «волосы назад». Ага, ага, так. И мечтательную улыбку, как ты умеешь.

Я послушно улыбнулась, и в то же мгновение случилось непредвиденное.

Яхту качнуло. Подошва ботинка проскользнула по металлу палубы, налетевший порыв ветра толкнул меня в грудь… И я сама не поняла, как вышло, что перевалилась за ограждение.

Не больше двух секунд полёта спиной вперёд, сильный удар, обступившая вокруг вода, пузырьки вверх, пятно солнца над головой и… И меня, словно поплавок, выплюнуло наружу — не зря капитан самолично проследил, чтобы все пряжки жилета были застёгнуты как полагается.

— Инга! Держись!

Чего у Дашки не отнять, так это присутствия духа. На воду рядом со мной плюхнулся спасательный круг, а над яхтой уже неслось:

— Спустить шлюпку! Человек за бортом!

Мне оставалось просто дождаться, пока помощник капитана (он же единственный матрос) спустит на воду шлюпку и вытащит меня. Но я решила подплыть к кругу, начала подгребать в ту сторону, а проклятое средство спасения стало, как нарочно, дрейфовать в противоположную. Я почти схватила его за леер, как вдруг…

— Инга, берегись!

Как так? Только что вода была спокойной, почему она внезапно стала закручиваться воронкой, будто на дне выдернули затычку стока?

— Инга!

Круг отбросило в сторону. Я торопливо заколотила по воде руками и ногами, стремясь скорее отгрести прочь от водоворота.

— Фрёкен! Не сопротивляйтесь! По касательной, он сам вас выпустит!

Но стремительно росшая воронка совсем не собиралась отпускать кого бы то ни было. Она тянула вниз, будто какое-нибудь мифическое чудище. Я успела глотнуть воздуха, а затем меня повлекло в глубину, всё дальше и дальше от тусклого солнечного пятна.

«Помоги…»

И тогда случилось чудо.

Глава 2

Точно так же, как меня тащило вниз, неведомая сила вдруг поволокла вверх. Куда-то исчезли кроссовки, спасжилет, облеплявшие ноги джинсы, тяжёлый от воды вязаный свитер. Но и кислорода в лёгких уже не осталось, и, больше не владея собой, я вдохнула.

Только не воду — голова моя успела прорвать границу между двумя стихиями. Волосы облепили лицо, но, распахнув глаза и глотая открытым ртом благословенный воздух, я увидела над собой низкое, пасмурное небо.

И почти сразу получила удар волной — фьорд больше не был зеркалом для облаков и зелёных холмов. Я инстинктивно забарахталась: жажда жизни вскрыла последний резервуар сил. Рядом из воды вынырнула какая-то тёмная штука, и я как-то сумела ухватиться за неё. Штука оказалась деревянной бочкой и держала над водой не хуже спасательного круга, вот только руки мои слабели всё сильнее, а напрочь замёрзшие ноги (по ощущениям — протезы) работали всё медленнее. То и дело нас с бочкой окатывало волнами; холод подбирался к сердцу.

«Всё-таки конец».

У меня не осталось сил даже на эмоции, потому мысль прозвучала абсолютно равнодушно. Но когда до слуха донеслись какие-то крики, я всё же немного встрепенулась. Люди? Или это галлюцинации, а есть лишь рокот волн, разбивающихся о камни…

О камни? Это же берег! Значит, и люди, значит, меня заметят!

Надежда вспыхнула в груди золотым огоньком, однако её почти сразу погасило ледяной водой усталой обречённости: заметят, только будет уже поздно.

И возразить на это было нечего.

Набежавшая сзади волна подхватила меня и бочку, понесла вперёд, и я не удержалась. Разжала пальцы, соскользнула с мокрого деревянного бока и с головой ушла под воду. Ударилась коленями о камни, попыталась оттолкнуться — и внезапно взлетела из воды, подхваченная какой-то неведомой силой.

— Pike! — послышалось как из дальнего далёка, и мозг с запозданием перевёл: «Девка!».

Потом сказали ещё что-то, что я не поняла, и меня самым грубым образом перекинули через плечо. От давления

на живот изо рта плеснула вода, однако мой спаситель (точно ли?) не обратил на это внимания. Болтаясь у него за спиной, я видела, как вода сменилась береговой галькой. Чуть-чуть приподняла голову, выхватывая взглядом хмурый пейзаж: бурные воды фьорда, серые скалы, свинцовое небо.

И провалилась в благословенную темноту глубокого обморока.

***

Не знаю, сколько я была без сознания, но вряд ли долго. Очнулась оттого, что меня, как мешок с картошкой, свалили на жёсткое и колкое. Разлепив глаза, я обнаружила перед носом еловые ветки, а когда закопошилась в попытке увидеть больше, меня накрыло что-то тяжёлое и неприятно пахнувшее хлевом.

— Лежи! — прикрикнули на меня грубым мужским голосом, и я сочла за лучшее послушаться.

Даже с туманом в голове было понятно: происходило что-то из ряда вон. А поскольку ни бить, ни бежать я не могла, оставался только третий путь.

Замереть и постараться скорее вернуть себе хотя бы подобие ясного сознания.

Рядом раздались гортанные выкрики, и то твёрдое, на чём

я лежала, качнулось. Противно заскрипело, пришло в движение, затряслось по кочкам, и я подумала, что это, должно быть, телега. С деревянными колёсами и запряжённая унылой лошадью с опухшими бабками и торчащими рёбрами. А накрыли меня старой шкурой какого-нибудь барана — вонючей, но ещё более или менее берегущей тепло.

Вот только чтобы согреться, мне сейчас требовалось что-то посерьёзнее. От холода и всего пережитого зубы клацали так, что я боялась откусить язык. Меня трясло и одновременно тошнило от качки и забивавшего нос запаха. Голова раскалывалась, еловые иглы впивались в тело. Укрыться целиком получалось, только максимально съёжившись и поджав босые ноги, холодные, как ледышки.

Босые ноги. Ни джинсов, ни свитера — вместо них какое-то рубище, спасибо, хоть до щиколоток. Мокрые сосульки длинных волос — это у меня-то, совсем недавно отрастившей «пикси» до подобия каре! Странные люди, разговаривающие на смутно похожем на норвежский языке, странная телега, спасшая меня бочка, резко переменившиеся погода и пейзаж.

«Господи, что со мной случилось?!»

Но ответ пока взять было неоткуда: мне не хватало сил элементарно приподняться и осмотреться. И потому я, дро-

жа, корчилась под шкурой, беспомощная и паникующая, а скрипучая телега увозила меня всё дальше и дальше.

Глава 3

— Stopp!

Раздавшийся рядом возглас выдернул меня из страдальческого забытья. Неужели приехали? Но куда? Я закопошилась, однако ватные мышцы не позволили даже приподняться на локте. Потому мне оставалось лишь слушать: скрипы, голоса, прочий непонятный шум. Смысл того, о чём говорили, улавливался с трудом: вроде бы привезших меня мужчин с чем-то поздравляли и вообще всячески выражали радость. Но в честь чего были эти поздравления? Касались ли какие-то из фраз конкретно меня? Я не понимала и оттого паниковала всё сильнее.

И настал момент, когда телега остановилась окончательно, а потом чья-то рука резко сдёрнула с меня шкуру.

— Хо! — воскликнул кто-то довольный и добавил несколько слов, из которых я разобрала только «добыча».

Инстинкт самосохранения призывал замереть, притвориться бессознательной, мёртвой, какой угодно, лишь бы не трогали! Но я всё же повернула голову и, щуря слезившиеся глаза, сфокусировалась на длинноволосом широкоплечем бородаче. На нём был плащ глубокого синего цвета, от-

чего взгляд бородача казался нереально голубым. Вот только смотрел на меня незнакомец, как на бессловесную скотину: словно море подкинуло ему овцу или корову, и теперь он оценивал, много ли получит с этого шерсти или молока.

— Несите к старой Агде, — наконец постановил он и добавил ещё фразу, смысл которой я не поняла.

Затем переключился на громкое обсуждение чего-то, вроде бы связанного с бочками, а передо мной возник другой бородач. Помоложе и без плаща поверх коричневой туники, но тоже широкоплечий, тоже светло-русый и тоже с равнодушным взглядом покупателя скота. Подхватил меня, словно я ничего не весила, закинул на плечо (уж не он ли вытащил меня из воды?) и куда-то понёс. Я успела разглядеть высокий частокол, широкий утоптанный двор, длинное и низкое здание из тёмного от времени дерева, а затем мой носильщик с шумом распахнул какую-то дверь и крикнул:

— Агда!

Шагнул через порог (я едва не врезалась головой в дверной косяк) и внёс меня в пахнувший дымом и чем-то кислым полумрак. Добавил ещё несколько слов, на которые незамедлительно откликнулся визгливый старческий голос: мне были явно не рады. Однако бородач претензии благополуч-

но проигнорировал и самовольно сгрузил меня на какую-то жёсткую поверхность. Женский голос взвился едва ли не бранью — пусть слов я разобрать не могла, общее настроение улавливалось отлично. Впрочем, бородачу на всю экспрессию было начхать из стратосферы.

— Ульрик, бу-бу-бу, тебе, бу-бу-бу, — только и ответил он с такой интонацией, что без труда считывалось: все вопросы к Ульрику.

На чём, собственно, бородач и вышел, поленившись закрыть за собой дверь.

Женский голос выдал явно непечатную характеристику: как я подозревала, всем, начиная с меня и заканчивая упомянутым Ульриком. Затем в светлом прямоугольнике дверного проёма возникла низкая скрюченная тень, и дверь с шумом захлопнулась. Полумрак стал гуще, но ненадолго: охапка веток, брошенная на мерцавшие, казалось, прямо на полу угли, заставила взметнуться рыжее пламя, и комната наконец осветилась.

Она была невелика и совершенно без окон. У противоположной стены я заметила широкую лавку и поняла, что на такой же лежу сама. Огонь же, как выяснилось, горел не на полу, а в обложенном камнями очаге прямо посреди комнаты. От него почти сразу пошло приятное тепло, и меня как

будто стало меньше трясти.

А потом золотой свет заслонила всё та же тень, и я разглядела хозяйку этого места.

Агда выглядела не просто древней старухой, а настоящей Бабой-Ягой. Из-под красной косынки у неё во все стороны торчали клочья седых волос, морщинистое лицо было тёмным, словно печёное яблоко, а крючковатый нос украшала крупная бородавка. Да и взгляд чёрных, агатами блестевших глаз прожигал так, что мне даже в моём состоянии захотелось скатиться с лавки и затаиться под ней, как мышь под веником.

Угадав произведённое впечатление, старуха недобро осклабилась, демонстрируя единственный сохранившийся во рту зуб, и коротко велела:

— Снимай.

Что снимать? Зачем? Я ничего не понимала.

Агда ещё раз ругнулась, и сама взялась стаскивать с меня мокрое рубище.

— Нет! Вы что делаете?!

Конечно, у меня вышел жалкий сип, и, конечно, моё слабое сопротивление было полностью бесполезным и больше утомило меня, чем помешало старухе. Однако та всё равно разозлилась. Последним грубым рывком сдёрнула мою жалкую одёжку, рявкнула что-то злое да так и замерла, уставившись мне на грудь.

Я тоже поспешно опустила взгляд, позабыв прежде всего прикрыться. Тело как тело, только синяков и ссадин много.

А потом я тоже заметила это.

Глава 4

Прямо над левой грудью — маленький тёмный значок из трёх пересекающихся треугольников. Символ валькнут, переводная татуировка, которую я налепила буквально за день до роковой экскурсии по водам Согне-фьорда, проиграв Дашке абсолютно дурацкий спор.

— О-о-о, — протянула Агда, и её устремлённый на меня взгляд из сердитого стал задумчивым.

Затем старуха коротко кивнула каким-то своим соображениям и отошла в угол комнаты. Я же, спохватившись, сжалась и беспомощно обхватила себя руками в последнем жесте защиты.

Между тем Агда откинула крышку большого сундука, вытащила оттуда длинную светлую рубаху и метко швырнула её в меня:

— Одевайся!

Я не заставила повторять дважды. Вот только сил в руках было так мало, что запуталась в горловине и рукавах, и старуха, бурча что-то нелестное, помогла мне одеться. Затем распорядилась:

— Держись, — и, поддерживая за пояс, фактически перетащила меня на соседнюю лавку, где уже лежал тощий тюфяк. Я почти рухнула на него, и Агда незамедлительно навалила сверху два шерстяных одеяла и какой-то мех. Пробурчала:

— Лежи смирно, — и исчезла из поля зрения.

А я послушно закопалась под одеяла с головой и наконец-то закрыла глаза, которые начал раздражать даже неяркий свет очага. Нос уже был плотно заложен, в горле характерно першило.

«Господи, только не воспаление лёгких! — пронеслось в голове. — Я же умру без антибиотиков!»

А затем меня накрыло болезненное забытьё.

Я плохо запомнила следующие события. Мне было то безумно жарко, то столь же безумно холодно; голова разрывалась так, что не повернуть, из носа текло, в горло словно натолкали стекла. Агда то и дело подносила мне питьё: то подогретое молоко, то что-то сладко-медовое, то горькое до тошноты. Следила, чтобы я не скидывала одеяла, таскала на себе в угол, где стояло ведро с нечистотами — словом заботилась, будто это не она ругательски ругалась, когда меня

притащили к ней.

И я пошла на поправку. Очень медленно, но неуклонно. И чем меньше мозги напоминали аморфное желе, чем больше я думала над тем, что же со мной случилось, тем сильнее боялась того момента, когда Агда решит: её пациентка вполне здорова.

Конечно, можно было убеждать себя, будто водоворот протащил меня какими-то скальными туннелями и выкинул у поселения безумных реконструкторов, какой-нибудь секты или общины, живущей «как в стародавние времена». Но как сюда вписывались вдруг отросшие волосы и рубище вместо современной одежды? И точно ли я увижу своё отражение, если посмотрюсь в зеркало… или хотя бы просто гладкую поверхность воды? Да и валькнут у меня над грудью больше не походил на переводную картинку. Он был пусть маленькой, но татуировкой — а я бы в жизни не стала делать себе настоящее тату.

Вот и получалось, что со мной произошло нечто из области фантастики. Я перенеслась в прошлое… или в место, очень похожее на прошлое суровой и прекрасной Норвегии. И не стоило питать иллюзий относительно моей будущей судьбы: чужестранцам в эту эпоху была уготована единственная участь — рабство. То есть тяжёлая и грязная работа, дурная еда, холод, насилие и никакого просвета. Никакой надежды.

От таких мыслей меня вновь начинало трясти, как в лихорадке. «Не вернуться, — отстукивало в висках. — Я здесь навсегда — одна, совсем одна! Я не вынесу, не вынесу!»

И единственными якорями, державшими меня на плаву, были две фразы. Строчка из песни: «Кто испугался — уже побеждён» и знаменитая цитата Франкла.

«Выжили те, кто сфокусировался на своих делах, без ожидания, что ещё может случиться».

Усмиряя острые приступы паники, я старалась дышать ровнее и говорила себе: спокойно. Меня не швырнули в барак, не нагрузили сразу работой, а стали лечить. Дали мне, пусть и невольно, время на адаптацию. И надо этим пользоваться. Прислушиваться, наблюдать, копить силы, анализировать. Мне повезло: я более или менее знала норвежский, а значит, могла быстрее разобраться с языком, на котором говорили в этом месте и времени. У меня были знания человека двадцать первого века — пока, разумеется, совершенно бесполезные, но кто знает, что будет дальше?

Главное, не паниковать. Выкарабкаться из болезни. Как можно быстрее вникнуть в окружающую действительность. А уже потом искать пути жить, а не выживать.

Так меня качало от смертельного отчаяния до надежды и обратно, а организм мало-помалу восстанавливал силы. И, естественно, Агда не могла этого не замечать. Потому одна-

жды настал момент, который я предвидела и которого ждала с замиранием сердца. Выпоив мне лекарство, старуха не ушла заниматься делами по хозяйству, а придвинула к лавке треногий табурет, села и пристально на меня уставилась.

— Вижу, лучше тебе, — не спросила, а констатировала она. — Ну, говори. Кто такая? И откуда у тебя, — она больно ткнула пальцем мне в плечо, — этот знак?

Глава 5

— Я не помню.

Обдумывая своё незавидное положение и логичные вопросы, которые будут заданы (пусть не хозяевами, которым параллельно, а такими же рабами), я решила, что амнезия — лучший ответ на всё.

Не знаю, не помню, и кто поймает на лжи? Если мне действительно всё ново в этом месте.

— Не помнишь? — Агда сузила глаза и резко, как хлыстом ударила, спросила: — Твоё имя?

— Не помню.

Мне ужасно не хотелось терять последнее напоминание о том, кто я есть, однако для соблюдения правдоподобия требовалось быть последовательной.

— Хм.

Старуха поджала губы. Несколько секунд молча изучала меня своим фирменным взглядом Бабы-Яги и вдруг выдала

фразу на необычном напевном языке. Оценила мою неприкрытую растерянность, поморщилась и постановила:

— Будешь Сиарой.

Добавила ещё фразу, из которой я разобрала «родина» и «тёмные волосы». Затем поднялась с табурета и, на себе показав место, где у меня был валькнут, приказала:

— Никому не показывай.

Я молча кивнула, и Агда занялась готовкой.

Можно ли было считать, что первое испытание пройдено успешно? Я хотела надеяться, что да. А ещё остро поняла: надо вплотную заняться изучением здешнего языка. Да, так возрастёт шанс нарваться на более пристрастный допрос, но полноценно понимать, о чём говорят окружающие, гораздо важнее.

И потому тем же вечером, похлебав сваренную Агдой жидкую кашу из полбы («Без ГМО! — глумился внутренний голос. — Супер-пупер-эко-био!»), я решилась заговорить первой.

— Агда.

Севшая прясть старуха бросила на меня короткий взгляд, и я, приняв это за разрешение, продолжила:

— Где я?

— Ульрикстадир, — буркнула Агда. — Одаль бонда Ульрика.

Видимо, имение или хутор, или что-то подобное. И принадлежит тому самому бородачу в синем.

— Что со мной будет?

Старуха повела плечами.

— Будешь работать на бонда. Ты теперь тира.

Тира. Я помнила, что рабы у древних скандинавов назывались трэллами. А женская форма, выходит, вот такая?

— А ты, Агда? Тоже тира?

Лицо старухи вдруг сделалось непривычно жёстким. Я даже струхнула: уж не обидела ли её своим вопросом? Однако Агда лишь каркнула:

— Я лейсинг, — и с говорящей сосредоточенностью занялась пряжей.

Я же, в свою очередь, задумалась. Получалось, Агда не находилась в рабстве, но и внешность у неё не была похожа на скандинавскую — одни тёмные глаза чего стоили. Плюс та её фраза на чужом языке… Выходит, и у меня имелся шанс повысить свой статус?

— Агда.

— Что? — Теперь старуха не скрывала раздражения.

— Что это значит? — И я показала на место, где под нижней рубашкой прятался валькнут.

Агда выдержала паузу, явно решая, отвечать или нет, и уронила:

— Знак Хара. Знак смерти.

Хар? Высокий? Что-то знакомое… Один, что ли? Но ведь он покровитель мужчин, откуда валькнуту взяться у девушки-чужестранки? Или это моя наклейка так переменилась, став настоящей татуировкой? Да ещё это упоминание смерти… Вот же будет фокус, если именно из-за этой штуки я не

погибла в водовороте Согне-фьорда, а оказалась здесь!

— Агда.

Старуха откровенно зыркнула в мою сторону, однако я не отступила.

— Мне надо говорить, Агда. Я плохо понимаю речь.

— Не хуже других, — проворчала старуха. Немного подумала и постановила: — Завтра. А теперь спи и не мешай мне.

И я, несколько успокоенная её обещанием, закрыла глаза.

Агда сдержала слово. На следующее утро она принялась знакомить меня с названиями всего, что было в доме. Я прилежно повторяла, стараясь запоминать, что — очаг, а что — котёл (с этими существительными я была незнакома и в современном норвежском). Да и те слова, которые знала, часто произносились не совсем так, как было мне привычно.

Затем старуха добавила глаголы. Прясть, толочь, мешать, ставить, разжигать — рутинный женский труд. Мы повторили «быстрее», «медленнее», «сильнее», «слабее», «идти», «бежать» — словом, всё, что приходило на ум неожиданно увлёкшейся Агде. А после моего дневного сна (я мудро старалась спать при любой возможности — ведь очень скоро это станет для меня роскошью) мы продолжили беседовать.

— Агда, кто ещё здесь живёт?

— Ульрик — хозяин, — принялась перечислять старуха. — Кельда — хозяйка. Ивар — сын. Бьорг — дочь. Даген…

Она не успела назвать, кем последний приходился хозяину. Входная дверь без стука распахнулась, и возникшая на пороге светловолосая девица властно бросила:

— Агда! Ступай на конюшню, да поживее! Свирепый захромал.

Мазнула по мне равнодушным взглядом и вдруг вгляделась, хмуря соболиные брови.

— Это та самая рабыня, которую нашли в море?

— Да, хозяйка Бьорг, — подтвердила Агда.

Ровно, без намёка подобострастия. Словно говорила с равной.

Однако девица на тон не отреагировала. Ещё секунд пять изучала меня с непонятным выражением настороженности, а затем, встряхнувшись, резко повторила:

— Живее, Агда!

И вышла — естественно, не закрыв за собой дверь.

Старуха задумчиво посмотрела ей вслед, затем на меня, однако странную сценку никак не прокомментировала. Вместо этого вытащила из-под лавки кожаный мешок и тоже вышла.

А я осталась одна: в недоумении и полная дурных предчувствий.

Глава 6

Агды не было долго — или мне просто так показалось? Когда нервничаешь, время всегда тянется.

Но наконец старуха вернулась и, встретив мой тревожный взгляд, устало махнула рукой:

— Поправится Свирепый. Девять на девять раз говорили Дагену…

Дальше она выдала фразу, из которой я смутно поняла, что названный Даген любит скакать на коне напрямик по пересечённой местности, а делать это надо всё-таки с умом.

Иначе можно и доскакаться.

«Что-то мне этот парень заранее не нравится», — пронеслось в голове.

Однако куда более насущным поводом для беспокойства была странная реакция увидевшей меня хозяйской дочки. И я выпалила давно заготовленный вопрос:

— Агда, почему Бьорг так смотрела?

Старуха усмехнулась — будь у неё во рту больше зубов, можно было бы сказать «ощерилась». Произнесла какое-то слово и, видя, что я не поняла, закатила глаза. Взяла деревянную поварёшку, показала мне:

— Мужчина.

Затем показала правую и левую руки:

— Женщина. Женщина.

И изобразила, как женщины пытаются вырвать друг у друга поварёшку-мужика.

«Соперницы! — догадалась я. — Но почему? В чём я ей соперница? Ох, мне только вражды с дочерью хозяев не хватало! Причём совершенно на пустом месте».

— Вижу, поняла, — кивнула наблюдавшая за мной Агда и вернула поварёшку на стол. — Ну да не бойся. Знаешь, сколько на меня так по молодости смотрели? Все зубы обломали.

Естественно, меня её слова не успокоили, а встревожили ещё сильнее.

— Почему Бьорг думает, будто я соперница?

Старуха хмыкнула. Смерила меня долгим взглядом и, буркнув:

— Скоро вернусь, — вышла из дома.

Я же, до того напряжённо сидевшая на лавке, сползла на тюфяк и подтянула одеяло к подбородку.

Час от часу не легче. А ведь я так надеялась, что смогу жить по завету классика «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»! И куда ушла Агда? Что она задумала?

Ответ на свой вопрос я узнала скоро. Старуха вернулась, принеся с собой начищенную металлическую тарелку. Впихнула её мне в руки:

— Глядись! Да быстрее, вернуть надо! — и подкинула веток в очаг.

В комнате стало светлее, и я, всматриваясь в блестящую, лишь немного искажавшую поверхность, впервые увидела себя-здешнюю.

Бледное, сужающееся к подбородку лицо в обрамлении тёмно-русых волос напоминало сердечко. Тонкие брови взлетали от переносицы к вискам, ресницам позавидовали бы модели из рекламы туши. Прямой нос, чётко очерченные губы, светлая полоска радужки вокруг тревожно распахнутых зрачков — не я, но сходство всё же имелось.

«Вот будет забавно, если это моя пра-пра-пра и так далее бабка», — мелькнула глупая мысль.

Я молча отдала тарелку Агде и прислонилась спиной к стене. Обняла колени: честное слово, сейчас я бы предпочла какую-нибудь захудалую внешность. Жидкие волосёнки, кожу с изъянами, маленькие глаза с блёклыми ресницами, а не вот это всё.

Так надо выглядеть, если ты хозяйка, а не рабыня.

— Распорядишься лицом и телом правильно, — проницательно заметила Агда, — станешь лейсингом, а то и женой свободного. И сыновья твои смогут ходить на быстрых драккарах и носить… — тут она, видимо, сказала «оружие», и я на автомате отметила новое слово.

— Как это было с тобой, Агда? — пустым голосом уточнила я.

— Как это было со мной, — подтвердила старуха. — Олаф, отец Ульрика, привёз меня сюда из родного Эрина. Я не стала его женой, но он всегда выделял меня и признал наших детей. Теперь мои сыновья ходят в викинг, дочери замужем. А я живу здесь и никого не боюсь.

— Поняла, — тускло ответила я. И с неожиданным для самой себя надрывом выпалила: — Только я не хочу так!

Не хочу становиться наложницей и платить телом и детьми за блага и призрак свободы. Я всегда и всего добивалась умом, трудолюбием и упорством, а не вовремя раздвинутыми ногами перед статусным самцом! И добилась, будь оно неладно! Квартиры в центре Москвы, счетов в банках, путешествий по миру. Помогала родителям, пока они были живы (проклятый ковид!). Исполнила их мечту о домике у моря.

А теперь должна буду…

— Носи одежду погрязнее.

Вздрогнув, я посмотрела на старуху.

—…и мажь лицо и волосы сажей и пеплом, — продолжи-

ла Агда. — Меньше попадайся на глаза хозяевам: Бьорг станет грызть зависть, если на тебя будут смотреть чаще, чем на неё. Прячься от Дагена, пока он не уйдёт в викинг. И молись.

— О чём? — спросила я вдруг севшим голосом.

Старуха перевела взгляд на огонь в очаге, и в глазах её отразилось рыжее пламя.

— Об удаче, Сиара Беспамятная. Только она и сможет тебе помочь.

Глава 7

Советы Агды были хороши, другое дело, насколько у меня получилось бы им следовать. Конечно, пока всё было хорошо: я сидела в старухином домишке, никого не видела, и меня тоже никто не видел. Но Ульрик желал, чтобы новая рабыня не лодырничала, а трудилась наравне с остальными (по обмолвкам Агды я поняла, что старуха нарочно тянула время, давая мне возможность набраться побольше сил). И вскоре настал день, когда Агда выдала мне хангерок — этот викингский «сарафан», — шерстяные носки, пояс, сплетённый из полос ткани, косынку и откровенно уродливые кожаные туфли на плоской подошве. Сопроводила это отрывистым «Одевайся», и я, моментально получив адреналина под пробочку, принялась натягивать на себя одежду.

Напоследок Агда велела съесть печёное яйцо, чтобы зубы были в золе, и лично испачкала мне лицо копотью из очага.

— Глаз особо не поднимай, — наставляла она, — и помалкивай. Бьорг постарается, чтобы тебе дали работу похуже да потяжелее. Ничего, потерпишь, а там, глядишь, что и переменится.

— Что? — с надеждой посмотрела я на старуху, однако та ушла от прямого ответа.

Буркнула только:

— Узнаем, как доживём, — и повела меня к хозяйке.

Кельду, жену Ульрика, мы нашли во дворе, возле одной из «избушек на курьих ножках», как я окрестила про себя сарайчики на сваях, где хранились припасы и инструмент. Хозяйка и её дочка что-то инспектировали, однако на нас с Агдой отвлеклись сразу. И пока старуха коротко докладывала обо мне, я исподтишка рассматривала мать и дочь.

Кельда была безусловно красива. Статная платиновая блондинка с идеальным овалом лица и строгими чертами, она больше походила на княгиню, чем не супругу землевладельца. Её хангерок насыщенно-синего цвета украшала красная с золотом тесьма, грудь была увешана рядами бус, а талию перехватывал поясок, расшитый золотой нитью. Бьорг, одетая почти так же, уступала матери в красоте, но тоже должна была привлекать мужские взгляды.

«И что там у неё за тараканы в голове, из-за которых она ревнует чужое внимание к какой-то рабыне? — мрачно подумала я. — Тем более пока не существующее внимание. Ей бы к психологу походить, а не другим превентивно жизнь портить!»

Увы, психологов в это время не существовало, и спасти

меня от расхлёбывания чужих комплексов было некому.

Между тем Агда закончила доклад и замолчала. Кельда окинула меня проницательным взглядом, поморщилась (должно быть, на грязь у меня на лице) и спросила:

— Что ты умеешь делать?

«Писать код для big data», — мысленно съязвила я, а вслух ответила:

— Не знаю, хозяйка. Не помню.

Кельда слегка нахмурилась, а Бьорг фыркнула.

— Я же говорила: новая рабыня на редкость глупа, — заметила она матери. — Отправь её помогать Коре с птицей и на огороде.

— Хм. — Кельда ненадолго задумалась и вдруг велела мне: — Покажи руки.

Я послушалась. Кисти у меня выглядели так себе: худые, исцарапанные, с обломанными ногтями. Тем не менее хозяйка увидела в них что-то ещё, потому как безапелляционно постановила:

— Ступай к колодцу, умойся, и пусть Агда отведёт тебя женский дом. Будешь прясть и ткать — у тебя хорошие руки для такой работы.

— Но… — заикнулась не обрадованная подобным раскладом Бьорг, однако Кельда, уже не слушая, повернулась к открытой двери сарая. Моя участь, пусть на некоторое время была решена, и я понятия не имела, как относиться к этому решению.

— Хозяйка Кельда.

Кельда обернулась к подавшей голос Агде, и старуха продолжила:

— Нить моей жизни всё тоньше — вот-вот порвётся. Я хотела бы взять ученицу, чтобы после меня было кому помогать захворавшим людям и животным.

— Ты можешь научить Бьорг, — спокойно ответила хозяйка. — Для будущей жены ярла Ронгвальда это полезное умение.

Вышло так, что в этот момент я взглянула на Бьорг и увидела, как потемнело её лицо. Но отчего? Она не хотела учиться у Агды? Или дело было в грядущем замужестве?

«И ведь она ещё и обручена, да к тому же со знатным мужиком! Нет бы успокоиться с чувством собственной крутизны и превосходства!»

— Хозяйка Бьорг скоро покинет Ульрикстадир, — тем временем возразила Агда. — И заниматься целительством будет некому.

Аргумент Кельде не понравился, но и возразить было нечего. Потому она сделала вид, будто не её вынудили, а она сама снизошла до милости.

— Хорошо, Агда. Учи обеих: Бьорг и ученицу по своему выбору.

Думаю, у нас с хозяйской дочкой лица вытянулись совершенно одинаково. Учиться вместе? (Не возникало сомнений, что старуха просит за меня).

— Спасибо, хозяйка Кельда.

А вот Агда, даже если была недовольна подобным раскладом, вида не подала. Сделала мне знак идти следом и повела к колодцу. И как бы меня ни разрывало вопросами, я молча пошла за ней.

Глава 8

— Плохо получилось, да, Агда? — с беспокойством спросила я, вытаскивая из колодца ведро с водой.

Старуха пожала плечами.

— Лучше бы тебя отправили на огород. Мужчины не любят ковыряться в земле, их дело…

Я не поняла, что она сказала, но явно не про войну и сражения. Назвала какую-то сельскохозяйственную деятельность?

— Но раз боги решили так, ничего не сделаешь, — между тем резюмировала Агда. — Будешь работать в женском доме. А когда научишься лечить, ценность твоя станет больше. Глядишь, и…

Неподалёку раздался взрыв мужского хохота, и старуха тут же замолчала. Неожиданно плавным движением сместилась, заслоняя меня, однако это не помогло.

— Ха! Ульрик наконец заставил бездельницу работать! — весело воскликнул один из троих мужчин, вышедших из-за

угла долгого дома.

— Заставил и заставил, — буркнул другой. Я не была уверена, но вроде бы это он вытащил меня из вод фьорда. — Идём, Даген. Отец велел принести побольше дичи.

— Погоди! — отмахнулся названный Дагеном. — Хочу взглянуть на неё.

И он уверенно зашагал к нам — высокий, плечистый, русоволосый, в болотного цвета тунике, отделанной синей тесьмой, и широких штанах, от щиколотки до колен схваченных болотными же обмотками. Борода у него, как и у остальных, была подстрижена клинышком, а взгляд необычно тёмных для северян глаз заставлял невольно ёжиться.

Я тихо порадовалась, что не успела смыть с лица грязь, хотя теперь эта маскировка казалась более чем сомнительной.

— Ну-ка, ну-ка.

Подошедший Даген, напрочь игнорируя старуху, протянул руку, чтобы приподнять моё лицо за подбородок. Однако я мягко подалась назад и в сторону, чтобы оказаться позади Агды, а та, вскинув голову, сварливо начала:

— Ты слыхал, что тебе было сказано, Даген? Бездельник! Только и знаешь, что развлекаться, поедатель углей!

Челюсть Дагена закаменела, глаза сверкнули.

— Следи за языком, старуха! — рявкнул он. — Пока я его не укоротил!

— Я-то послежу! — Агда не испугалась даже на йоту. — А ты не забывай, что еду за столом сначала надо заслужить! Или Ульрик уже простил тебе испорченного коня?

Судя по тому, как заходили на щеках Дагена желваки, никто ему ничего не простил. Сквозь зубы выдав что-то непонятное, но явно нецензурное, он полоснул по Агде злым взглядом, резко развернулся и зашагал обратно к поджидавшим его спутникам. Вскоре они скрылись из виду, но даже тогда я не выдохнула до конца.

— Кто такой этот Даген?

Агда ответила отрывистой фразой, из которой я поняла только слово «сын». Уловив это по моему лицу, старуха терпеливо растолковала мне смысл сказанного, и выяснилось, что Даген был сыном погибшего побратима Ульрика. Воспитывался в Ульрикстадире наравне с хозяйскими сыновьями,

однако предпочитал работе безделье.

— Держись от него подальше, — напоследок повторила Агда. — Прочие мужчины тебя, может, и не тронут, но для Дагена рабыни — вещи. Он пользует их, пока не находит другое развлечение, а затем выбрасывает, как обрывки шнурков. Сейчас его ложе согревает Грета — дурочка надеется…

Дальше старуха высказалась не совсем ясно, но я догадалась: видимо, названная Грета рассчитывала повторить судьбу Агды, что в случае Дагена было верхом глупости.

— Теперь умывайся и идём, — закончила старуха. — Будь старательна и не ходи одна. А завтра на рассвете я поведу тебя и Бьорг в лес — собирать травы.

Я кивнула, стараясь не поддаваться вновь накатившему чёрному унынию.

«Не думай о будущем. Сосредоточься на настоящем», — твердила я себе, шагая следом за Агдой к месту назначенной мне работы.

И всё равно ужасно нервничала.

Глава 9

Большую часть сознательной жизни я провела в мужских коллективах: что в универе, что на работе. Везде уверенно доказывала: шовинистическая шуточка насчёт «курица не птица, женщина не программист» — не более чем несмешная ересь. Однако теперь имела крайне смутное представление, как вести себя в чисто женском коллективе, где мне предстояло проводить львиную долю времени.

Особенно если учитывать не самые тёплые чувства Бьорг и потенциальные проблемы от нынешней фаворитки Дагена. Впрочем, я допускала, что начинаю вести себя, как умная Эльза из известной сказки. В конце концов, никто из хозяев Ульрикстадира пока мне жизнь не портил: наоборот, позволили отлежаться, дали чистую (насколько я представляла) работу и возможность учиться лекарскому делу.

«Будь настороже, но не загоняйся раньше времени», — повторяла я, словно аффирмацию. Однако совсем не была уверена, что это сильно помогало.

Агда, то ли видя моё состояние, то ли догадываясь о нём, повела меня в женский дом не сразу. Мы с ней совершили короткую обзорную экскурсию, как назвала я про себя обход жилой части одаля, расположенной на плоском холме и огороженной высоким частоколом. В центре всего, естествен-

но, стоял долгий дом, в котором жили хозяева и дружинники Ульрика, ходившие с ним в викинг. По остальной территории были разбросаны землянки рабов-трэллов, сараи и склады, хлев, птичник, отдельная кухня, кузница и женский дом, где, в том числе, жили и работали многие рабыни-тиры. За пределами частокола тянулись поля и луга для выпаса скота, буквально за оградой был разбит большой огород. Словом, Ульрик производил впечатление хозяина более чем зажиточного — не удивительно, что ему удалось сосватать дочку аж за целого ярла.

Кружной путь к женскому дому меня несколько успокоил, и в длинное и приземистое (как и все здесь) здание я входила гораздо увереннее, чем сама от себя ожидала.

Внутри меня встретило традиционное для викингов единое помещение, крышу над которым поддерживали резные деревянные столбы. В центре, как и в землянке Агды, был выложен продолговатый очаг, вдоль стен стояли лавки. Окон как таковых не было: только дыра в крыше над очагом, да два слуховых окошка. Потому, несмотря на ясный день, на столбах горели светильники, и в их не самом ярком свете трудились полдюжины разновозрастных женщин. Двое пряли, ещё трое занимались починкой одежды, одна работала за ткацким станком, ловко перекидывая челнок с одной стороны на другую. Но, естественно, стоило нам войти, как все отставили дела и с любопытством воззрились на нас.

— Это Сиара, — коротко представила меня старуха. — Она пока плохо знает язык и не помнит, как прясть и ткать.

Рабыни удивлённо зашушукались, а Агда закончила:

— Хозяйка Кельда велела, чтобы она работала в женском доме. Объясните ей что и как, а ночевать она придёт ко мне.

Вот эта новость была прямо-таки отличной! Похоже, стоило всерьёз поблагодарить Дашку с её любовью к идиотским спорам и неведомую силу, превратившую переводное тату в настоящее. Иначе фрактала с два Агда стала бы настолько обо мне заботиться.

Между тем старуха грубовато подтолкнула меня вперёд, а сама без лишних раскланиваний вышла из женского дома. На пару секунд я оказалась в одиночестве под прицельным обстрелом шести пар глаз, а затем та из женщин, что занималась ткачеством — полуседая, но ещё хранившая следы былой красоты, — поднялась из-за станка и сказала мне:

— Моё имя Улла. Проходи сюда, Сиара, садись. Ты уверена, что не умеешь прясть?

— Я не помню, умею или нет, — отозвалась я, покорно опускаясь на указанное место рядом с миловидной шатен-

кой. — Я вообще мало, что помню.

Собеседница кивнула, принимая ответ.

— Тогда смотри внимательно, что делают другие, и повторяй за ними. Сейчас дам тебе…

Значения этих слов я не знала, но догадалась, что речь о принадлежностях для прядения. Улла, по всей видимости, поняла, что здесь у меня провал в знаниях, и, принеся прялку и веретено, отдельно назвала их и их части. Затем выдала мне толстый пук шерсти (кажется, это называлось куделью) и показала, как сучить из него нитку. А дальше, по бразильской методике, оставила один на один с незнакомым ремеслом.

Поначалу, конечно, было более чем непросто. Веретено падало, нитка то рвалась, то наоборот получалась чересчур толстой. Однако от признания полной криворучкой меня спасла неожиданно проснувшаяся память тела. В конце концов, та, чьё место заняла моя душа, прясть умела (как и, пожалуй, любая женщина этого времени). И когда я научилась отключать рассудочное стремление управлять процессом, руки мои заработали словно сами по себе и с гораздо лучшим результатом. Правда, стоило отвлечься хотя бы на такой мизер, как чужой вопрос, и настрой моментально сбивался. Заметившая это Улла прикрикнула, чтобы меня

не отвлекали, после чего процесс пошёл настолько неплохо, что я даже перестала обливаться потом и немного расслабилась. Закончила с одним пуком, получила другой, наполовину осилила и его, но тут судьба решила, что как-то уж всё гладко пошло. В женский дом вошла рослая, мужеподобная девица и объявила, что нужна помощь с разделкой дичи, и хозяйка Бьорг велела позвать на кухню новую тиру.

«Не хочет оставлять в покое», — вздохнула я про себя. Однако отказаться, разумеется, не могла и послушно отправилась следом за посыльной.

Глава 10

Поскольку законы подлости никто не отменял, с Дагеном мы столкнулись аккурат перед кухней. Никаких фразочек в мой адрес он, правда, отпускать не стал, однако обжёг таким взглядом, что волоски на загривке встопорщились, как у испуганной кошки.

«Не приведи все боги Асгарда встретиться с ним одной да на узкой тропке», — пронеслось в голове.

А затем я вошла в кухню и поняла, что на сегодня лимит удачи исчерпан.

Охотники и впрямь вернулись с богатой добычей. Кроме энного количества водоплавающей птицы им повезло добыть могучего лося. И теперь рабыни под «чутким руководством» Бьорг занимались разделкой туши.

— Наконец-то! — недовольно бросила мне хозяйская дочка. — Бери нож и помогай!

Я нервно сглотнула: вид распотрошённого исполина и запах крови не способствовали приятным эмоциям. Тем не менее обречённо взяла кухонный нож, поданный одной из рабынь, и шёпотом спросила у неё:

— Что мне делать?

Женщина бросила на меня удивлённый взгляд, однако жестом позвала за собой, и я вместе с ней принялась сдирать со зверя шкуру.

Это была неприятная (если не сказать мерзкая) и грязная работа. С непривычки я вся извозилась в крови, а затем ещё в пухе и перьях — после лося мне поручили ощипывать птицу. Бьорг, естественно, не упускала случая пройтись по моей лени и неумелости, причём один раз так «удачно» высказалась под руку, что нож соскользнул, и я рассекла себе палец. От боли и злости в глазах вскипели слёзы (и презрительная усмешка Бьорг немало этому поспособствовала), но, к счастью, одна из рабынь оперативно поделилась со мной чистой тряпицей и помогла замотать рану, а хозяйскую дочку отвлекли каким-то вопросом.

— Ты внимания не обращай, — вполголоса посоветовала мне рабыня. — Хозяйка Бьорг со всеми новенькими такая. Потом отступит.

«Свежо предание», — мрачно подумала я. Однако, поостыв, поняла, что совет по большому счёту правильный.

Травят, чтобы получить реакцию. А если её нет, то и до-

капываться станет скучнее и ленивее.

Но пока у Бьорг только появилась новая «рабыня для битья», а значит, следовало запасаться хладнокровием. Потому я постаралась сосредоточиться на работе и на мысли, что рано или поздно всё закончится и можно будет сбежать под защиту прокопчённых стен землянки Агды.

А потом Бьорг куда-то позвали, и дышать даже в непередаваемой атмосфере кухни стало легче. Остальные рабыни тоже расслабились: кроме фраз по делу зазвучали шуточки и обычная болтовня.

И вот последняя птичья тушка отправилась в коптильню, последний кусок лосятины — в котёл для варки. Настало время ужина — я уже знала, что здесь ели дважды в день: утром и вечером. Каждой из нас выдали по миске похлёбки с лепёшкой и по кружке воды. Последнюю я выпила с удовольствием, а вот еду, несмотря на пустой желудок, пришлось в себя впихивать. Неподготовленная психика человека двадцать первого века тяжело приходила в себя после столкновения с суровой реальностью века… Какого? Десятого? Одиннадцатого? Вряд ли узнаю.

Как бы то ни было, я поела и, уточнив, что больше не нужна, вышла из кухни. По классике смеркалось, и в высоком небе одна за другой загорались звёзды.

«А ведь здесь рисунок созвездий здесь почти такой же,

— подумала я, по привычке найдя глазами ковш Большой Медведицы. — Значит, всё-таки прошлое? Хотя без разницы. Вернуться в любом случае вряд ли получится».

Тяжело вздохнула и побрела к колодцу: как бы я ни устала, надо было привести себя в порядок после такой работы, а потом уже идти к Агде.

Из долгого дома слышались голоса и взрывы хохота: свободное население Ульрикстадира тоже ужинало. Я по широкой дуге обогнула здание, стараясь не выходить из тени, и наконец добралась до колодца. Вытащила ведро ледяной воды, умылась, отмыла руки (повязку на пальце пока трогать не стала), как смогла оттёрла пятна на хангероке и рукавах рубашки. Постукивая зубами от холода, запоздало подумала, что надо разузнать у Агды, как здесь принято мыться и стираться. Только собралась выплеснуть использованную воду, как вдруг заметила боковым зрением какое-то движение. Резко повернулась и разом позабыла и об усталости, и о физическом дискомфорте.

— Дай-ка я всё же как следует тебя рассмотрю, тира. — Мужчина шагнул вперёд с хозяйской неторопливостью. — Неспроста ведь сестрица Бьорг так бесится, что даже поссорилась с братцем Иваром из-за того, что он притащил тебя сюда.

Глава 11

Даген!

«Надо было слушаться Агду», — пронеслась паническая мысль.

Но сожалеть было поздно, требовалось выкручиваться. И уж точно не разговорами: с такими, как Даген, слова не работали.

«Если побегу, перехватит — он как раз на пути. Кто бы его отвлёк?»

Даген шагнул ко мне, я инстинктивно попятилась и нечаянно задела ведро, стоявшее на краю колодца.

И меня озарило.

Сильный удар по ведру — и вода плеснула прямо под ноги Дагену. Тот отшатнулся — естественная реакция, а я, подхватив юбку, со всех ног рванула мимо него.

— Ах ты!.. Стой!

Но я неслась через двор, как перепуганная лань от волка. Едва не проскочила мимо землянки Агды, но вовремя сориентировалась и вихрем ворвалась внутрь. Хлопнула дверью, быстро задвинула засов — хоть какая-то защита!

— И что это ты делаешь?

Я торопливо развернулась к Агде. Старуха стояла возле очага, уперев кулаки в бока. Вид у неё был крайне неодобрительный.

— Там Даген! — выпалила я. — Застал меня у колодца, я убежала…

— Одну? — прервала Агда, и я невольно почувствовала себя провинившимся ребёнком.

— Да. — Мне хватило ответственности не лгать и не опускать глаза. — Я пошла отмыться после работы. Не подумала, что он выйдет. В долгом доме ведь ужин.

Старуха поджала сморщенные губы. Окинула меня взглядом с ног до головы (я вдруг явственно ощутила, что на мне мокрые вещи) и велела:

— Садись к огню и обсыхай. Но прежде отодвинь засов.

Даже Даген не настолько глуп, чтобы вламываться ко мне.

Я послушалась и почти без сил упала на лавку перед очагом. Краем сознания отметила, что до сих пор не до конца понимаю положение, которое в одале занимала Агда. Но сейчас важнее было другое, и я, подрагивающим голосом, спросила:

— Агда, что мне делать? Я не смогу всегда убегать.

Старуха ответила не сразу. Сначала она сдвинула к краю очага котелок с отваром каких-то трав (если судить по стоявшему в землянке густому горьковато-травному духу), затем взяла в руки шитьё, села на лавку под светильником и только затем ответила:

— Пока не ходи одна. А как покажешь себя хорошей лекаркой, я поговорю с Ульриком. Только он может запретить Дагену тебя трогать.

В целом, логично. Я должна представлять ценность, чтобы меня защищали. Но блин, на это нужно время! А было ли оно у меня с учётом разгоревшегося интереса Дагена?

«Грёбаная Бьорг! — зло подумала я. — Чтоб у неё фурункул на носу выскочил!»

— Вот, выпей, — отвлекла меня от проклятий Агда и протянула кружку с отваром. — Что у тебя с пальцем?

Я опустила взгляд на свою руку: точно, порез. Совсем из головы вылетело за мелкостью проблемы. Размотала грязную тряпицу и пессимистично отметила воспалённый вид ранки.

Однако старуху он не смутил. Пока я пила горькое до тошноты зелье, Агда подошла к верёвке, растянутой между столбами. На ней сушились пучки трав, и старуха уверенно оторвала несколько листьев. Бросила их в ступку, быстрыми движениями растолкла, затем добавила ложку чего-то, похожего на жир или топлёное масло, снова смешала всё и наконец шлёпнула мне прямо на ранку получившуюся мазь. Велела:

— Сиди так, — и полезла в один из своих сундуков.

Достала оттуда чистую тряпицу, вновь забинтовала палец и распорядилась:

— Теперь ложись спать. Завтра разбужу до рассвета.

Я послушно сняла хангерок и улеглась на лавке. Заверну-

лась в тощее шерстяное одеяло: адреналиновая волна окончательно сошла на нет, вместо неё навалилась неподъёмная усталость.

Слишком много событий случилось сегодня, измотав и физически, и морально. А завтрашний день не нёс даже лучика надежды.

***

Просыпаться было тяжело. И оттого, что рано, и от общего ощущения полной бессмысленности всего. Но клянчить у Агды «Ещё минуточку!» я, естественно, не стала. Усадила себя на лавке, выпила немедленно всученный мне отвар, и от его «бодрящей» горечи проснулась окончательно.

— Идём, — бросила мне старуха. — Умоешься, а я заодно лежебоку Бьорг растолкаю.

Я торопливо надела хангерок, обулась и в предутренних сумерках направилась к колодцу следом за старухой.

Ведро уже не валялось на земле, но я всё равно с трудом удержалась, чтобы не передёрнуть плечами от воспоминания о вчерашнем. Быстро умылась, а затем вместе с Агдой подошла к входу в долгий дом. Здесь мне сказали подождать, и я послушалась, хотя и порядком разнервничалась. Но старуха, видимо, знала, что сейчас для меня опасности нет. Да и в доме она исчезла совсем ненадолго, а когда вышла, сообщила:

— Лежебока собирается. Идём пока за сумками и прочим.

Мы вновь вернулись в землянку. Здесь Агда выдала мне плащ (очень в тему — рассветный холод пробирал до костей), большую холщовую сумку и нож. Показала, как прицепить последний к поясу, и распорядилась выходить.

Оказавшись во дворе, я увидела шагавшую от долгого дома Бьорг, одетую в красивый синий плащ с меховой оторочкой.

— Ишь вырядилась, как на смотрины! — проворчала вышедшая следом за мной Агда. Однако когда хозяйская дочка приблизилась, не произнесла ни слова — лишь сделала знак идти за собой.

Когда мы подошли к воротам, наперерез молча бросились две рослые собаки, похожие на овчарок. Но Агда лишь коротко свистнула им, и сторожа немедленно успокоились. Уже спокойно подбежали к нам, обнюхали (я очень старалась не показать страха) и позволили беспрепятственно выйти за ограду.

Под ноги легла утоптанная дорога, и старуха повела нас по ней мимо поля и широкого луга к синевшему вдалеке лесу.

Глава 12

Агда не долго шла по торному пути. Ограда Ульрикстадира ещё явственно виднелась, а старуха уже сошла с дороги и двинулась напрямую через луг. На траве лежала обильная роса, и скоро подолы рубашки и хангерока промокли насквозь, а в башмаках захлюпало. Агду же подобные мелочи нимало не смущали, и когда Бьорг недовольно подала голос:

— Старуха, мы можем идти там, где сухо? — Агда хладнокровно ответила:

— Нет.

Без издёвки, но так, что стало ясно: менять маршрут она не намерена. И хотя хозяйская дочка заметно оскорбилась на такой ответ, развивать тему не стала.

Мы миновали небольшой лог, на дне которого ещё лежала туманная дымка, и подошли к лесной опушке. Маленькие, тут и там разбросанные ёлочки казались выбежавшими на прогулку девчонками, за которыми пристально наблюдали частоколом выстроившиеся взрослые ели. Перед тем как войти в лес, Агда низко поклонилась и произнесла несколько непонятных слов. Я бы решила, что меня вновь подвело знание языка, однако лёгкая растерянность на лице Бьорг пока-

зала, что старуха говорила непонятно и для неё.

— Будете старательными, научу вас Слову леса, — бросила нам Агда. — И без него можно ходить — вон, женщины ходят за ягодами и кореньями. Но с ним толку от таких походов больше.

И она повела нас дальше, без тропы нырнув в стылый, густо-хвойный полумрак.

Понятия не имею, как ориентировалась Агда. Складывалось впечатление, что она просто идёт куда глаза глядят, иногда рандомно сворачивая вправо или влево. Однако вопросов я благоразумно не задавала, только старалась мысленно отмечать хоть какие-нибудь вехи. В ельнике вообще стояла такая тишина, что было боязно производить любой лишний шум.

Но вот мы, вроде бы вышли к цели — большой поляне, густо заросшей высокими растениями с жёлтыми метёлками цветков.

«Погодите, это же зверобой!»

Я хорошо его знала — бабушка, любительница народной медицины, регулярно употребляла отвар зверобоя «от кишок». Собирала она его тоже сама, правда, не в лесу, а на заливном лугу за деревней, и мне в детстве частенько при-

ходилось ей помогать.

А вот теперь настала пора заняться тем же самым десять веков тому назад.

— Это плакун-трава, — пояснила Агда. — Срезайте по две-три веточки с каждого куста, да смотрите, не больше двух пядей длиной! Складывайте в сумки, а я пока буду вам рассказывать, для чего её сушат да отваривают.

И мы с Бьорг принялись за работу под своеобразную лекцию старухи на тему травничества. Дело было несложным, и если бы не мокрые и напрочь замёрзшие ноги, я бы, пожалуй, даже получала от него удовольствие.

Наконец в сумке каждой из нас образовался приличный пук зверобоя. Я тихо понадеялась, что на этом наши изыскания и завершатся, но у Агды были другие планы. И вместо того, чтобы повести нас обратно к выходу из леса, старуха двинулась дальше в его глубь.

***

Причём ладно бы это была сухая глубь. Однако путь наш неуклонно шёл вниз, и вот уже под ногами вместо сухой хвои и травы начал мягко пружинить мох. И в какой-то момент Агда остановилась и, присев, показала нам кустик с мелкими овальными листочками и красными, но ещё явно недозревшими, шариками ягод.

— Ты привела нас собирать бруснику?! — неподдельно возмутилась Бьорг. — Да ещё неспелую?

— Листья. — Любые возмущения были старухе как вода с пресловутого гуся. — Да смотрите, только с тех кустов, на которых нет ягод! По две-три веточки, и не вздумайте выдёргивать кустики, слышите? Кладите в сумки бережно: чем больше помнёте, тем больше выкинуть придётся. А значит, снова идти в лес.

Бьорг закатила глаза: сколько условий! Тем не менее вытащила нож и, почти сразу найдя подходящий кустик, срезала две веточки.

— Далеко не расходитесь, — напоследок сказала Агда. — Не то заплутаете.

И мы занялись сбором.

Я честно старалась не отставать от спутниц. Постоянно оглядывалась, чтобы держаться ближе к Агде. Однако в какой-то момент замешкалась — спустилась в лощинку по понятной надобности, — а когда выбралась обратно, никого вокруг не увидела. Судорожно заозиралась: вон, кажется, мелькнул старухин платок! Поспешила в ту сторону, но вскоре поняла, что обманулась. Решила вернуться к лощинке:

вроде бы Агда и Бьорг уходили куда-то влево, когда я на свою голову в неё спустилась. Но и здесь меня ждала засада: пройдя вроде бы такое же расстояние, я не обнаружила ни лощинки, ни в принципе каких-нибудь знаков, что недавно здесь были люди.

«Да что же за непруха такая! — у меня реально опустились руки. — Только заблудиться не хватало!»

Глава 13

— Агда! Ау! Агда!

Ну не могли они далеко уйти!

— Ау! Агда!

Тишина. Только испуганная моим криком птица шумно взлетела с ели, заставив закачаться пушистые лапы.

— Агда!

Позади хрустнула ветка, и я торопливо развернулась в надежде увидеть кого-то из спутниц.

И обмерла.

— Заблудилась, тира? — От усмешки стоявшего всего в нескольких шагах Дагена у меня взмокла спина. — Могу вывести. Если хорошенько попросишь.

Секунду или две я ещё смотрела в его глаза, тёмные и хищные. А потом швырнула в него сумку, сорвалась с места и помчалась по лесу, не разбирая дороги.

Словно и впрямь убегала от зверя.

Еловые ветки, кусты, кочки, лощинки. Вправо, влево, путая след, как заяц. Получая злые удары ветками по лицу и вскинутым в защитном жесте рукам. С ужасом ожидая неминуемого рывка за плечо или волосы. Со рвущимися в клочья лёгкими. Не веря, что удастся спастись.

Я вылетела на небольшую полянку. Взгляд зацепился за одну из елей — старую, раскидистую. Настоящую царицу леса. Ведомая инстинктом, я нырнула под шатёр её низко склонявшихся к земле лап и спряталась за толстым стволом, густо пахнущим смолой. Замерла, смаргивая пот и рвано дыша: где погоня? Однако следом за мной на полянку никто не выбежал — похоже, Даген благополучно отстал.

А я окончательно заблудилась.

От этого простого осознания у меня подкосились и без того трясущиеся ноги. И не держись я за дерево, сползла бы на усыпанную рыжей хвоей землю.

В чужом времени, в диком лесу, одна, без огня и оружия… Хотя нет, нож у меня был — хвала Агде и всем богам Асгарда, что я носила его у пояса, а не в сумке.

Может, стоило не убегать, а наоборот, броситься на Дагена с ножом?

«Ага, — скептически отозвался внутренний голос. — И было бы как в том анекдоте "про мушку спили". Чтобы мужчина, викинг — и не смог отбиться от девчонки? Пусть даже ополоумевшей от безысходности».

Просто не надо было отставать от спутниц. Или банально попросить Агду подождать.

Я ткнулась лбом в шершавую кору, тихо всхлипнула. Станут ли меня искать? А если станут, кто найдёт первым?

Что же делать?

Сколько раз я задавала себе этот вопрос в последнее время! И вот опять, и некому на него ответить.

«Отдышаться, — твёрдо сказал внутренний голос. — Передохнуть (с ударением на у!). И постараться вспомнить, что я знаю о том, как вести себя, если заблудился в лесу».

Если знаю, конечно, мрачно буркнула пессимистичная часть меня. Однако по первым двум пунктам ничего не возразила, и я всё же стекла на землю. Подтянула колени к груди, сжалась в комочек, закутавшись в плащ, закрыла глаза и затихла.

Немного отдохнуть. Без самобичевания, проклятий на

голову Дагена и страхов перед будущим. Сосредоточиться только на настоящем. Дышать медленнее. Паника — верный путь к гибели, а я пока не только жива, но и невредима. Надо только успокоиться.

Рядом раздался какой-то шорох. Я вскинула голову и чуть не потеряла сознание от острого приступа ужаса.

Прямо передо мной стоял волк. Мощная серая зверюга с рыжей подпалиной на груди и зеленоватым блеском в глазах. Стоял и внимательно меня рассматривал, раздувая ноздри — принюхиваясь.

«Всё», — пронеслось в голове.

Я закрыла глаза, готовая к немедленной смерти, и тут меня как в темя клюнуло: нож! Если получится аккуратно взяться за рукоятку… Не сводя глаз с волка, я буквально на пару миллиметров сдвинула спрятанную под плащом руку. И ещё на пару. И ещё. Пальцы коснулись дерева рукоятки, и тут зверь что-то про себя решил. Сделал шаг вперёд (и без того болтавшееся в желудке сердце провалилось куда-то в область пяток) и аккуратно взялся зубами за край моего плаща. Потянул — так собака может тянуть, когда хочет что-то показать — и отпустил ткань. Снова внимательно посмотрел на меня, отступил — и я медленно, как сомнамбула, поднялась на ноги. Однако рукоятку ножа не выпустила, цепляясь

за неё, как за спасительную соломинку.

Волк выбрался из-под ели. Остановился, обернулся ко мне: ты идёшь? Я машинально провела языком по сухим губам: мистика какая-то. Мне всё кажется? Это сон?

Волк продолжал терпеливо смотреть, и я, наконец, тоже вышла из-под еловых лап. Зверь как будто усмехнулся и вдруг стремительно повернулся к краю поляны. Поднял шерсть на загривке, замер в бойцовской позе. И спустя несколько мгновений я поняла причину.

На поляну вышел Даген.

Глава 14

Стоило отдать ему должное: одним взглядом окинув меня и волка, Даген неуловимым движением выхватил из-за пояса боевой топорик и замер в оборонительной позе. Я тоже не двигалась, сжав в ладони нож — больше убегать не собиралась. Волк же присел на задние лапы, готовясь к прыжку, и у меня были серьёзные сомнения, что он не достигнет цели. Немая сцена, достойная подмостков Большого, длилась секунду, другую и вдруг была прервана самым неожиданным образом.

— Кар-р-р! — громко и хрипло каркнули откуда-то сзади.

Должно быть, на ели сидел ворон и, вполне возможно, ждал, когда же начнётся драка, видя в ней поживу. Однако на Дагена это незначительное вмешательство произвело несоизмеримое впечатление.

— Вёльва!

Он швырнул это, как оскорбление, но злость в его голосе густо мешалась с опаской. Я помнила, что вёльвами викинги называли ведьм, однако неужели они до такой степени их боялись?

Видимо, да. Потому что Даген попятился, не сводя глаз с меня и волка, и отрывисто бросил:

— Значит, найдёшь дорогу.

А затем скрылся среди елей — быстро и бесшумно, как настоящий охотник.

Не до конца понимая, что сейчас произошло, и не доверяя своей удаче, я в мыслях досчитала до десяти и медленно опустила руку с ножом. Волк тоже перестал топорщить загривок: похоже, Даген действительно ушёл. Я посмотрела на зверя, зверь ответил мне нечитаемым взглядом и спокойно потрусил к краю поляны. Остановился, обернулся — и я молча двинулась следом за ним.

Не спеша, однако, прятать нож.

Мой странный провожатый выбрал темп, идти в котором было очень удобно. Я старалась следить за дорогой, пусть это было во многом бесполезным занятием — все ели, пеньки и кусты похожи друг на друга. А ещё снова и снова задавалась вопросом: кто и куда меня ведёт? Волк вёл себя либо как хорошо дрессированное животное, либо как какое-то мистическое создание. Но кто мог его выдрессировать? И неужели я попала не просто в прошлое, а в мир, где существовала магия? Звучало дико, но, с другой стороны, волк — вот он.

— Куда ты меня ведёшь?

Зверь бросил на меня короткий взгляд через плечо, показавшийся чрезвычайно таинственным и многозначительным, и потрусил дальше.

— Ну да, чего я ждала? — пробормотала я и больше вопросов не задавала.

Не скажу, как долго мы шли. По ощущениям не очень, но я своему чувству времени не особенно доверяла. Волк снова вывел меня к «брусничной плантации», где пружинил под ногами мох и пахло сыростью, но было ли это то самое место, куда Агда привела нас собирать листья, определить я не могла.

А тут ещё в какой-то момент мой провожатый резко прыгнул в росшие сбоку кусты карликовых берёзок, и не успела я даже крикнуть растерянное «Эй!», как осталась одна.

— Нет, ну не загрыз, и на том спасибо, — пробормотала я, по старой привычке пытаясь взъерошить волосы. Провальная затея, ведь теперь у меня была «коса до пояса», как в народных сказках. Потому мне оставалось лишь оглядеться: куда меня завёл четвероногий Сусанин? И решить, что делать даль…

Между деревьев мелькнул красный платок, и я недоверчиво выдохнула:

— Агда?

Всмотрелась и заорала уже в голос:

— Агда, я здесь!

Бросилась к старухе, да и она, услышав, повернула в мою сторону. И даже крякнула, когда я в порыве чувств крепко её обняла.

— Ну-ну. — Агда поспешила высвободиться из объятия, но за этим мне почудилась не нелюдимость, а смущение. — Нашлась, невредима, и хвала Высокому.

— Ты знала, что я заблудилась? — Я требовательно посмотрела на старуху, и та не стала увиливать.

— Услыхала, как ты зовёшь. Но пока сюда доковыляла, тебя и след простыл. Только это было.

Она протянула мне сумку, которую я швырнула в Дагена, и указала на землю неподалёку. Я присмотрелась: как будто следы, но уже плохо заметные.

— Мужская обувь, — подтвердила мою догадку Агда. — Верный знак, что ты в беде. Сама бы я тебя не нашла, чай, не следопыт. Потому пришлось позвать кое-кого, и, на твоё счастье, он оказался неподалёку.

Кое-кого? Неужели?..

Старуха усмехнулась, как-то по-особенному, с переливом свистнула, и вскоре к нам выбежал тот самый волк, что помог мне спастись от Дагена.

Глава 15

Я ожидала чего-то подобного и всё равно уставилась сначала на зверя, а затем на Агду.

— Ты его приручила? Как?

— Я его спасла, — спокойно ответила старуха. — Малец попал ловчую яму, и пошла бы его шкура лежебоке на рукавицы, не услышь я скулёж. Выходила, выкормила, на волю отпустила. А он, вишь, — старуха потрепала волка по холке, — благодарный оказался.

— Да уж, — пробормотала я, вновь оценивая своё везение. И спохватилась: — Агда, а где Бьорг?

Старуха как-то особенно недобро усмехнулась.

— У Оленьего ручья сидит. Обмануть меня вздумала, отвести подальше, чтоб братцу не мешала. Я не сразу поняла, бревно старое. А она ещё вроде как ногу подвернула, да так охала-ахала — попробуй, не поверь. Только если не опухло место, не там никакого подворота. Тут я ещё твой голос услыхала, далеко так. Высказала лежебоке, что о её притворстве думаю, поспешила к тебе. Она за мной, да и взаправду

оступилась. Ну, я её оставила лодыжку перевязать туго да в ручье держать, если охрометь надолго не хочет. Сама сюда поспешила, но только сумку твою увидала и следы. Позвала Гери, дала ему сумку понюхать и отправила за тобой. Он и нашёл.

Закончив, Агда ещё раз любовно погладила волка, и тот издал низкий довольный звук.

— Он меня спас, — тихо сказала я. — От Дагена.

Услышав это, старуха нахмурилась.

— Не порвал бездельника? Ещё не хватало, чтобы на Гери облаву устроили! Он вон и так меченый Ульриковым огнём.

«Подпалина на груди!» — сообразила я и быстро успокоила:

— Нет, только напугал.

— Напугал? — Агда приподняла брови.

Я коротко пересказала сцену на поляне, вырвав у слушательницы непонятный смешок.

— Вот уж правда: что предсказано Верданди, того не избежать. Что же, будь вёльвой, Сиара Беспамятная, хотя бы в глазах Дагена. Вёльву он побоится обидеть, а уж как ещё пуще убедить его в твоём даре, я научу.

— Но почему он так решил? — Я никак не могла понять до конца. — Из-за волка?

— Волка и ворона, — кивнула Агда. — Ведь они сопровождают Высокого — единственного из мужчин, кому не зазорно заниматься сейдом.

Ещё одно новое слово. Ох, как бы разобраться во всём этом! Но главное, в моём будущем наконец-то появился просвет. Надо только хорошо учиться премудростям у Агды и подробнее расспросить её обо всех тайных штуках.

Словно подслушав мои мысли, старуха предупредила:

— Не вздумай болтать обо всём этом! Я и бездельника предупрежу, чтобы языком не трепал! Кому надобно узнать, сами узнают, а ты веди себя как примерная тира, если беды не хочешь.

Беды я не хотела, потому незамедлительно заверила Агды, что ни слова о сегодняшнем происшествии не скажу и в

принципе не стану делиться, чему она меня учит.

— Это правильно, — кивнула старуха, успокоившись. — Ну, идём за лежебокой. Надо бы ещё палку для неё найти — не тащить же дурынду на себе.

Агда коротким посвистом отпустила волка, я повесила сумку на плечо и двинулась за старухой, не спуская с неё глаз.

Больше ни за что из виду не упущу.

***

— Агда, ты думаешь, это Бьорг сказала Дагену, куда мы идём?

Ответ был очевиден, и всё же я хотела уточнить.

— Не надо быть вёльвой, чтобы понять это, — буркнула старуха. — Но и это держи при себе: нечего тебе с ней лишний раз ссориться.

Я молча кивнула: да, скандалы с хозяйской дочкой, какой бы подлой она ни была, мне не нужны.

И всё же, как странно складывается моя судьба здесь! То, что в моменте кажется ужасной немилостью, в долгосроч-

ной перспективе выходит на пользу. Какие-то «американские горки», честное слово!

«Где бы только нервов взять, чтобы их благополучно пережить?» — вздохнула я про себя и неожиданно чихнула.

Всё-таки столько лазить по осеннему лесу с мокрыми ногами чревато. А уж после жуткой простуды, из которой Агда меня вытащила едва ли не чудом, организму любой экстрим шёл во вред.

И старуха это поняла. Бросила на меня внимательный взгляд, проворчала:

— Как вернёмся, сразу брусничного взвара у меня выпьешь, — и бодро начала спускаться по длинному, но пологому склону лощины, по дну которой змейкой вился тёмный лесной ручеёк.

Дальше мы пошли вдоль воды и вскоре, обогнув шикарные заросли орешника, увидели Бьорг. Она, чисто сестрица Алёнушка, сидела у воды на плоском камне, опустив в ручей левую ногу. Выражение лица у неё было крайне мрачным и при виде нас отнюдь не посветлело.

— Поднимайся, хозяйка Бьорг, — Агда произнесла формальное обращение тем же тоном, что и прежде «лежебока».

— Вот тебе, обопрись, и идём обратно.

Она протянула хозяйской дочке толстую рогатину, отломанную по дороге. Причём я подозревала, что Агда специально подровняла ветку под рост пострадавшей, чтобы та могла использовать её, как костыль.

Однако Бьорг старания не оценила.

— Сдурела, старуха? — окрысилась она. — Да я на ногу ступить не могу! Как я пойду?

— Для того тебе и палка, — полностью владея собой, ответила Агда. — Вот так возьмёшься, — она показала как, — и доковыляешь. Или думаешь, я тебя на закорках понесу? Так я тебе не жених.

И вновь мне почудилось, что при напоминании о женихе Бьорг как-то особенно потемнела. Однако выказывать норов больше не стала. Молча вытащила перебинтованную ногу из воды, натянула башмак и, наконец взяв у Агды палку, неловко оперлась на неё.

— Пойдём короткой дорогой, — постановила старуха. — Сиара, иди последней, да не отставай! И следи, чтобы хозяйка Бьорг не отстала.

Бьорг зыркнула на меня с неприкрытой ненавистью: складывалось впечатление, что пока она здесь сидела, нашла во мне единственную причину своего несчастья.

«Таких людей даже жизнь ничему не учит, — подумала я хмуро. — Вечно у них кто-то другой виноват».

Тем не менее заняла указанное место, и наш маленький отряд двинулся вниз по течению ручья.

Глава 16

До одаля мы добрались благополучно, пускай и медленно. Когда неторопливо ковыляли по дороге между полей, которые заканчивали убирать жнецы, нас заметил Ивар, хозяйский сын. Он о чём-то беседовал с рослым трэллом (мужчин-рабов по именам я почти не знала), однако тут же оставил разговор и быстрым шагом направился к нам.

— Сестра! Что с тобой?

На нас с Агдой он, понятное дело, внимания не обратил.

— Повредила ногу, — пожаловалась Бьорг, не упуская возможности повиснуть на брате. — Ох, Ивар, помоги добраться до дома!

— Конечно. — Хозяйский сын приобнял сестру за талию и устремил на Агду требовательный взгляд: — Что произошло?

— Ложь стала правдой, — хладнокровно ответила старуха. — Так бывает, особенно на рассвете, когда боги внимательно смотрят и чутко слушают.

Ивар поджал губы, но больше ничего не сказал. С лёгкостью подхватил Бьорг на руки и широким шагом направился к видневшемуся впереди частоколу.

Чуйка подсказывала мне, что на этом история не закончится. Но до самого вечера ничего особенного не происходило: до самого вечера я мирно проработала в женском доме за прялкой.

А потом вернулся Ульрик.

— Где новая тира? — Вошедший дружинник скользнул взглядом по сидевшим на лавках рабыням и безошибочно выцепил меня. — Ты! Иди за мной!

— Куда?

Я брякнула это не подумав, за что получила хлёсткое:

— Куда надо. Иди, или поволоку силой.

Перспектива была не самая вдохновляющая, и я подчинилась — теперь уже молча. Под полными любопытства (но не сочувствия) взглядами остальных работниц вышла из женского дома и двинулась следом за провожатым.

А может быть, и конвоиром.

Агда нагнала нас у самого крыльца долгого дома.

— Ты куда это, старуха? — попытался остановить её дружинник, но в отличие от меня, Агде было чем ответить.

— К хозяйке Бьорг, — уверенно сказала она. — Или она за один раз обучилась так хорошо, что вылечит себе ногу сама?

Крыть дружиннику было нечем, и он лишь хмуро бросил мне:

— Входи. Ты понадобилась Ульрику.

Я и до этого была ни разу не спокойна, а теперь мои нервы вообще взвинтились на максимум. И даже пойманный мной успокаивающий взгляд Агды мало помог. Однако единственное, что я могла сделать, — это пропустить старуху вперёд и хотя бы символически, хотя бы на несколько секунд спрятаться за её спиной.

Это было моё первое появление в долгом доме, но от волнения я почти не запомнила обстановку. Осталось в памяти, что он был и вправду очень длинным, и крышу поддерживали не четыре, как в женском доме, а гораздо больше столбов. Освещение здесь было ярче, лавок больше, на стенах развешаны трофеи — охотничьи и военные. Агда как-то сразу ушла в сторону, и мне пришлось самой идти через весь дом к восседавшим на высоких хозяйских креслах Ульрику и Кель-

де. По обеим сторонам от них уже на лавках сидели Ивар, Бьорг с перевязанной ногой, которую она держала на низкой скамеечке, и Даген. Больше в доме никого не было, что нагнетало атмосферу грядущих неприятностей ещё сильнее.

Но вот я наконец подошла к хозяевам и, понятия не имея, что делать дальше, неловко поклонилась. Встретила неприятно жёсткий взгляд Ульрика и поспешно опустила глаза.

Пауза затягивалась, выкручивая нервы пыточной машиной. Но наконец хозяин разбил лёд тишины, проронив:

— Бьорг говорит, ты вёльва и из-за твоего колдовства она подвернула ногу. Это правда?

«Да чтоб у неё язык отсох, у твоей Бьорг! — мысленно ругнулась я в любимой бабушкиной традиции. — И у Дагена тоже — он небось с сестричкой поделился».

А затем подняла на Ульрика твёрдый взгляд и коротко ответила:

— Нет.

Играть с Ульриком в гляделки было жуть как тяжело, однако я не больше я глаз не опустила. И дождалась следующего вопроса:

— Так ты не вёльва?

— Я не помню. — Универсальная отмазка.

Теперь Ульрик давил на меня взглядом, как асфальтоукладчиком.

— Но то, колдовала ли ты сегодня, помнить должна.

— Не колдовала. Я не умею колдовать.

— Врёшь! — выкрикнула Бьорг. — Отец, она…

И осеклась под коротким взглядом родителя. А Ульрик, укротив дочь, снова вперился в меня.

— Чем можешь доказать, что невиновна в несчастье Бьорг?

«А что это сразу я должна? — ощетинилась я мысленно. — Презумпция невиновности — слыхали про такое?»

Хотя, конечно же, они не слыхали. И ещё веков семь, если не больше, не услышат.

И всё-таки я открыла рот, собираясь высказать: а с какого перепуга меня вообще в чём-то обвиняют? Но не успела — Агда, о которой все как-то позабыли, выбрала этот момент, чтобы выйти на сцену. И, встав рядом со мной, заявила:

— Я докажу, хозяин Ульрик. Когда Бьорг оступилась, я была рядом с ней. И никакого злого колдовства не почуяла.

Глава 17

— Я тебя не спрашивал, старуха.

В голосе Ульрика внятно слышалось раздражение, но Агду оно не смутило.

— А следовало бы, хозяин Ульрик. Меня-то в первую очередь спросить следовало. Виданное ли дело, чтоб при мне — да на хозяйскую дочь наговор навели!

Ульрик наградил нахальную старуху тяжёлым взглядом. Я подумала, что сейчас он отправит Агду восвояси, и придётся мне одной объяснять, что я не верблюд, однако вышло иначе.

— Ну давай, ты расскажи, как случилось, что Бьорг охромела.

— Лесу она не понравилась, — хладнокровно ответила Агда. — Не любит лес, когда его ветки без нужды обламывают, а травы топчут. Я хозяйку Бьорг предупреждала: нельзя в этом месте так. Да только она не послушалась.

— Лес, говоришь, — протянул Ульрик. — А новая тира и не вёльва ни разу, так?

— Может, вёльва, может, и нет, — самообладанию Агды можно было только молча завидовать. — У неё на плече знак Хара, но силу я в ней не чую.

При упоминании валькнута хозяева, даже Даген и Бьорг, слегка переменились в лицах. Секунд пять Ульрик и старуха не мигая смотрели друг на друга, и наконец первый проронил:

— Поручишься за неё?

У меня ёкнуло в груди. Мне так упорно пытались навредить, а теперь Ульрик хотел, чтобы за любой мой «грех» в ответе была и Агда?

И когда старуха серьёзно ответила:

— Жизнью и даром, — я в унисон выкрикнула:

— Нет! Я против! Не нужно этого!

— Молчи, — бросил мне хозяин, не удостоив взгляда. А Агде сказал: — Отвечаешь за неё, как за себя. Никакого колдовства в моём одале.

— Отец! — Это явно был не тот результат, которого добивалась Бьорг, да и Даген не скрывал неудовольствия.

— Полечи ногу Бьорг, — по-прежнему обращаясь к Агде, Ульрик подчёркнуто проигнорировал возмущение дочери. — Свадьба назначена на Луну Урожая, к тому времени к ней должна вернуться лёгкость походки.

— Вернётся, хозяин Ульрик, — заверила Агда. Вот она, в отличие от пациентки и Дагена, была полностью довольна результатом импровизированного суда.

— А ты ступай работать, — велел мне Ульрик, и я, к счастью, сообразив поклониться, покинула долгий дом.

Совсем не радуясь тому, что всё обошлось вроде бы благополучно.

***

— Зачем ты так сделала? — Я едва дотерпела до вечера, когда смогла вновь увидеться со старухой. — А если Бьорг или Даген снова придумают обо мне что-нибудь?

— Остерегутся, — отмахнулась Агда, разливая по кружкам душистый травяной отвар. — Я шепнула лежебоке, что если слишком громко кричать «Волк!», боги непременно пошлют его тебе. Больше она надумывать о себе не станет.

— А Даген? — не отступала я.

— Этот тоже к тебе не полезет, если не давать повода. Он ведь смолчал, не рассказал Ульрику, что в лесу приключилось. Нет, пока большой беды от них не жди. Но и глаза всегда держи открытыми. — Агда протянула мне кружку. — Наступает время худого мира, и хорошо, если оно продлится подольше.

***

Старуха оказалась права. Конечно, моя жизнь не стала легче: пускай формально я работала в женском доме, Бьорг не упускала случая, чтобы перекинуть меня на работу потяжелее и погрязнее. Зато для Дагена я словно перестала существовать, и это была такая гора с плеч, что чихать ковидом на любые попытки хозяйской дочки испортить мне настроение.

Агда продолжала учить нас обеих. Водила по лесам, лугам и болотам, показывала травы, рассказывала, как их собирать и сушить. А каждый вечер перед сном устраивала мне «допрос с пристрастием» по пройденному материалу. Сильно ругалась, если я что-то путала, однако после всегда поправляла и заставляла по несколько раз повторить правильный ответ.

Пожалуй, меня спасало умение учиться — с моей точки

зрения, главный навык человека двадцать первого века. Я чётко понимала, зачем мне это нужно, и, прядя кудель, стирая, работая на огороде — словом, занимаясь механическим трудом — мысленно повторяла уроки старой целительницы. И, возможно, мне казалось, но Агда порой бросала на меня удовлетворённые взгляды.

А вот Бьорг таким учебным рвением не отличалась. Для неё знания не были способом выжить, потому она спокойно пропустила несколько походов из-за опухшей лодыжки, да и после почти требовала от Агды, чтобы мы не уходили далеко от одаля. Старуха, само собой, любые требования игнорировала, и порой мне вообще казалось, что нарочно уводила нас подальше. Однако больше в этих походах никаких эксцессов не случалось, чему я была откровенно рада.

Что до более близкого общения с остальными рабынями Ульрика, то здесь у меня откровенно не складывалось. Нет, относились ко мне нормально: если просила объяснить, объясняли, если что-то делала не так, поправляли. Но в коллектив я так и не влилась — это было хорошо заметно по тому, как стихала в моём присутствии беспечная болтовня и как мало со мной разговаривали, если не по делу. Я предприняла несколько попыток завести хотя бы приятельские отношения, однако потерпела неудачу и отступила.

Так протекло около десятка моих дней в новой жизни. А затем пришла пора выдавать Бьорг замуж.

Глава 18

Я уже знала, что хозяйскую дочь сосватали за ярла Ронгвальда. Причём второй женой — ярл уже был женат на Тордис, одной из многочисленных дочерей конунга Харальда Прекрасноволосого. Последний момент меня не на шутку удивил: до того я считала, что многожёнство — чисто восточная фича. Но аккуратно обсудив это с Агдой, узнала: иметь несколько жён, а то и наложниц вдобавок, было обычным для здешней знати. Браки здесь заключались исключительно по расчёту, и в брачном договоре скрупулёзно прописывали обязательства сторон. Так, в сделке, предметом которой стала Бьорг, Ульрик обещал дать за дочерью богатое приданое, а ярл брал на себя защиту угодий тестя. Невесту при этом, естественно, никто не спрашивал, однако её нежелание выходить замуж объяснялось отнюдь не этим.

— В последнем походе ярла Ронгвальда ослепило огонём из Грикланда, — поделилась Агда. — Говорят, со всей Скандии целителей приглашали, только никто помочь так и не смог. А ещё говорят, будто среди людей ярла много тех, кто не желает идти за калекой. И что прекрасная Тордис на их стороне.

Старуха замолчала, но я чувствовала: сказано не всё. И

потому продолжила смотреть на Агду с вниманием преданной слушательницы.

— Ульрик, конечно, такое не высказывает, — наконец произнесла старуха, понизив голос. — Но будь его воля, он разорвал бы помолвку. Слишком велик шанс, что не ярл будет защищать его, а наоборот — Ульрику придётся принять зятя, когда Тордис сошьёт тому рубаху с женским вырезом и объявит о разводе.

Вот тут я плохо поняла, но решила пока не спрашивать, чтобы не спугнуть откровения Агды.

— Однако пока Ронгвальд не растерял власть и силу и ссориться с ним опасно. Я знаю, Ульрик отправлял к ярлу гонца, желая оттянуть свадьбу.

— Не выгорело? — ввернула я очевидную догадку, и Агда покачал головой, подтверждая.

— Потому Кельда собирает сундуки, а Ивар гонит с дальних пастбищ овец и лошадей. Скоро свадебный обоз отправится в Вестфольд, чтобы прибыть туда ко дню Фригг после Луны Урожая. С лежебокой поедут Ивар и Даген. Так Ульрик выкажет необходимое почтение будущему зятю, но в глазах его противников не будет выглядеть однозначным

союзником ярла.

— Хитро, — пробормотала я.

— Ульрику было у кого учиться, — хмыкнула старуха, и я не поняла, о себе это она или ещё о ком-то. — Верю, он и на этот раз сумеет провести свой драккар между рифов. А тебе после отъезда лежебоки станет попроще.

С последним невозможно было не согласиться. В последние дни Бьорг стабильно пребывала в отвратительном расположении духа, что не могло не сказываться на рабынях в целом и на мне в частности. Меня хозяйская дочка изводила приказаниями с особенным рвением, и держаться помогало лишь чёткое знание, что скоро это закончится.

А потом случилось непредвиденное.

— Сиара, хозяин велел, чтобы ты немедленно шла в долгий дом.

Я слишком резко дёрнула кудель, и нитка оборвалась. Однако Улла, принёсшая мне распоряжение Ульрика, даже внимания на это не обратила.

— Давай, поживее! — речитативом выдала она, едва ли не стаскивая меня с лавки.

— Да что случилось? — Я ведь не сделала ничего, за что мне можно было бы приписать колдовство! А иных причин меня видеть у Ульрика не могло быть.

— Откуда мне знать? — дёрнула плечом Улла. И проговорилась: — Там и хозяйка, и остальные. Беги скорей!

За-ши-бись. И Агду вряд ли позвали.

Адреналин шарахнул в кровь, как шампанское, выпитое на пустой желудок. Однако опция для меня была предусмотрена лишь одна: подчиниться. Потому я послушно отложила веретено и с нарочитой торопливостью вышла из женского дома. Правда, оказавшись во дворе, шаг замедлила и закрутила головой: может, увижу старуху?

Увы, сегодня мне такая удача не выпала: к долгому дому я подошла одна. Замялась на пороге, вновь повторила про себя, что будь на мне вина, Ульрик послал бы дружинника, и решительно вошла.

Здесь ничего не изменилось. Тот же полумрак, те же трофеи на стенах, те же люди, сидящие на почётных местах у северной стены. Вот только сейчас у меня возникло ощущение, что Ивар как-то отодвинулся от остальных. Разногласия в семье? Лица у всех тоже не особенно довольные.

«Ладно, а я здесь причём?»

Задаваясь этим риторическим вопросом, я приблизилась к хозяевам. Учитывая ошибки прошлого, поклонилась, однако устремлённые на меня тяжёлые взгляды легче не стали. Один Ивар смотрел в пол — выражал таким образом протест?

— Слушай внимательно, тира, — наконец нарушил Ульрик гнетущее молчание. — Тебе выпали большая честь и удача. Я желаю, чтобы ты заменила мою дочь на брачной церемонии и вместо неё стала супругой ярла Ронгвальда.

Глава 19

Я была бы в меньшем шоке, если бы Ульрик процитировал отрывок из «Евгения Онегина». Мне заменить собой Бьорг? Стать супругой ярла? Мне, рабыне?

— Да вас за такой обман на куски порубят!

Фраза вырвалась, прежде чем я успела придать ей более вежливую формулировку. Ульрик свёл брови натуральным Тором-Молотобойцем, однако у меня неожиданно появился союзник.

— Всё так, отец! — смело произнёс Ивар. — Я тоже люблю Бьорг, но это не повод рисковать благополучием всей нашей семьи! Кровная вражда…

— Не будет вражды! — Ульрик сердито ударил кулаком по раскрытой ладони. — Ярлу недолго осталось… Кхм. К тому же формальности будут соблюдены. Я дам тире вольную и признаю нашей родственницей. Её возьмут второй женой, без обрядов. На пиру она будет сидеть под покрывалом, а дальше… будет видно.

— Отец!

— Тихо! — голос Ульрика громыхнул раскатом грома. — Ты всё слышала, тира? Готовься и не болтай лишнего.

— А если нет?

Это было не особенно разумно, но мне слишком уж не нравились недомолвки в плане Ульрика.

— Если нет, — взгляд хозяина устрашающе потемнел, — отдам тебя в пользование Дагену. Пусть проверит, какая ты вёльва.

Я до хруста сцепила зубы. Медленно перевела взгляд от Ульрика к Бьорг: твоя идея, змея? И хозяйская дочка приподняла губы в высокомерно-торжествующей усмешке.

— Ступай, — хмуро бросил мне Ульрик.— Вечером тебя позовут. И помалкивай, слышишь! Иначе я своими руками вырву тебе болтливый язык!

Я не стала кланяться. Просто молча развернулась и ушла.

***

Вот подстава так подстава!

Не имея моральных сил возвращаться в женский дом, я самым наглым образом спряталась в сарае с сеном. Забилась

в уголок так, чтобы меня не было видно, села, подтянув колени к груди, и сжала ладонями виски.

Ну, Ульрик! Ну, интриган доморощенный! Сто процентов спелся с противниками ярла — может, даже дочку за кого-нибудь из них пообещал выдать. Но в открытую разорвать договор с Ронгвальдом опасался, потому с подачи Бьорг придумал вот такой «изящный» способ выкрутиться. Ярл слеп, подмены по первости не заметит, а если что-то пойдёт не так, крайней сделают меня. Наговорят, будто околдовала Бьорг или ещё что-нибудь в том же духе. Мол, мы этой тире-вёльве свободу дали, в семью приняли, а она презлым заплатила за предобрейшее. Тьфу!

«Надо посоветоваться с Агдой. Вот прям срочно надо!»

Но старуха после обеда ушла за какой-то надобностью к скалам фьорда. Вернуться должна была к вечеру, а до того момента мне требовалось не наделать глупостей.

— Улла!

Голос Кельды прозвучал где-то совсем рядом: не то перед входом в сарай, не то за его стенкой, и я замерла, как зверь, мимо укрытия которого шли охотники.

— Да, хозяйка?

— Где новая тира, Сиара?

— Не знаю, хозяйка! Её звали в долгий дом…

— Она давно ушла оттуда, и в женском доме её нет. Ты больше не видела её?

— Н-нет.

— Увидишь — пусть всегда рядом с тобой будет. Одну никуда не отпускай, поняла? И ночует пусть с вами в женском доме. Я скажу Агде.

— Да, хозяйка!

Зашибись. Может, они меня ещё запрут где-нибудь, чтобы не болтала и не сбежала? И общества Агды захотели лишить — вдвойне фиговый знак. Эх, как бы мне её дождаться, не попадаясь никому на глаза… И чтобы масштабных поисков по одалю не устроили.

— Сиара!

Я даже дёрнулась, настолько неожиданно прозвучал голос у меня над ухом. Резко повернулась и увидела Уллу.

— Ты что это лодырничаешь? — сузила та глаза. — Нука бегом работать!

«И как я не сообразила, что уж ей-то должны быть известны все закутки хутора!»

— Хорошо, иду. — Если я не хотела оказаться запертой, нужно было до последнего притворяться покорной.

Ульрик загнал меня в угол, однако ещё оставалась пусть призрачная, но надежда выпутаться.

По крайней мере, пока я не обсудила всё с Агдой.

Глава 20

Улла выполняла распоряжение хозяйки с такой скрупулёзностью, что я даже в уборную ходила под конвоем. И чем ниже склонялось солнце к щетинившимся лесом холмам, тем сильнее нервничала.

Где Агда? Когда вернётся? Получится ли с ней увидеться? Хорошо бы до того, как меня второй раз призовут в долгий дом! Сама-то она не спохватится, пока не подойдёт время ложиться спать — ужинала я обычно с остальными рабынями.

— Сиара! Ты опять порвала нитку!

— Да, нечаянно. Прости, Улла.

— У хозяйки будешь прощения просить! Работай внимательнее!

Ну да, внимательнее. Поработаешь тут, когда голова тревожными мыслями занята!

— Сиара!

Злосчастная нитка снова оборвалась, однако мне было

плевать. В дверях женского дома стояла Агда.

— Идём со мной, — властно махнула она. — Поможешь травы разобрать.

— Погоди! — незамедлительно взвилась Улла. — А прясть за неё кто будет? Как мне хозяйке объяснять…

— Я тебе дам три мотка, положишь к остальным, — поморщилась старуха и бросила мне: — Что сидишь? Оленьим мхом надо сразу заниматься, не то он пользу потеряет!

Я отмерла. Торопливо вскочила, положила веретено на лавку…

— Стой! Агда, хозяйка Кельда велела, чтобы новая тира ночевала здесь! — Улла не могла сказать, что ей приказано не отпускать меня, и использовала последнюю попытку.

— Переночует, — отмахнулась старуха. — Только прежде поможет мне с травами.

И я, всеми силами пряча радость, вышла во двор следом за ней.

***

— Агда, ты знаешь, что от меня хочет Ульрик?

— Знаю. — Стоило нам оказаться под защитой стен землянки, как старуха заметно помрачнела. — Ивар нашёл меня у фьорда и рассказал. Опасное дело затеяно.

Хмурясь, она замолчала и принялась выгружать на стол содержимое своей сумки.

— Они хотят сделать из меня разменную монету. — Я не спрашивала, а констатировала. — Как мне выжить, Агда?

У старухи вырвался горький смешок.

— Как нам всем выжить, хочешь сказать? Ивар прав: Ульрик слишком полагается на обещания Эйрика Чёрного и слишком торопится скинуть с доски Ронгвальда Зоркого, которого все так торопятся назвать Незрячим.

Она достала последний ломкий кустик ягеля, положила его на столешницу и неожиданно тяжело оперлась на её край. Посмотрела на меня исподлобья.

— Если ты хочешь совета, как избежать повиновения Ульрику, мой ответ: никак. Он обещал сделать тебя лейсинг? Не артачься хотя бы ради этого. Будь послушна, но держи уши и глаза открытыми. Только боги знают, что может случиться

по пути на юг, а с тобой в Вестфольд поедет Ивар. Будешь не одна.

— А ты? — вырвалось у меня. — Ты сможешь поехать?

Агда опустила голову, и на сердце легла тяжесть: нет.

— Стара я, а путь нелёгкий… Да и Ульрик не отпустит: пусть мне дарована свобода, без его дозволения я уйти не могу. Впереди же тёмные дни, когда хвори и лихоманки гуляют по миру. — Агда запнулась и с неожиданной силой продолжила: — Но подарок от меня ты получишь, вёльва Сиара. Хороший подарок, многим он костью поперёк горла встанет. А пока слушай внимательно сегодняшний урок. Не так много их у тебя осталось.

И старуха, по-звериному встряхнувшись, начала рассказ о целебных свойствах ягеля.

***

Не знаю, попало ли Улле за то, что она меня отпустила. Возможно, никто из хозяев об этом и не узнал: я вернулась в женский дом до ужина, а Уллу, в отличие от меня, прочие рабыни любили и вряд ли стали бы на неё доносить.

Как бы то ни было, я съела свою порцию похлёбки и только собралась отправиться на отведённое мне место, как Уль-

рик прислал за мной рабыню.

Я полагала, меня вновь позовут в долгий дом, но не учла, что в это время он полон народа, а Ульрику лишние уши были ни к чему. Потому он решил устроить тет-а-тет на свежем воздухе, и рабыня проводила меня к колодцу.

Тёмный мужской силуэт у оголовка вызвал яркое и неприятное воспоминание. Однако сейчас меня поджидал не Даген, а Ульрик, и опасность если и грозила, то в будущем. Потому я постаралась подойти как можно более ровным шагом и, приблизившись, без поклона произнесла:

— Звали, хозяин Ульрик?

— Звал. — Даже в почти полных сумерках взгляд Ульрика ощущался морозным покалыванием. — Слушай внимательно и запоминай. Завтра перед всеми свободными людьми одаля я дам тебе волю и признаю родственницей, как когда-то отец признал Агду. После этого ночь ты проведёшь в долгом доме, а на следующее утро отправишься с обозом в Вестфольд. Ты поедешь в одеждах Бьорг и с покрывалом на голове. В твои волосы вплетут белый конский волос, а о том, кто ты на самом деле, будут знать лишь Ивар, Даген и Улла, которую я отправлю прислуживать тебе. Не вздумай разговаривать с кем-то кроме них!

— Разве это не покажется странным? — встряла я. Пол-

ное нарушение субординации, но мне хотелось хотя бы так пнуть Ульриково эго.

И что характерно, у меня получилось.

— Уже воображаешь себя свободной? — процедил Ульрик. — Рановато. — Помолчал, возвращая себе самообладание и сухо продолжил: — Не покажется. Завтра вечером Бьорг даст обет до самой брачной ночи не показывать лицо мужчине и не говорить ни с кем, кроме родственников. Этого будет достаточно, чтобы в дороге тебя не раскрыли.

— А после? — требовательно спросила я. Конечно, Агда намекала, что в пути может произойти всякое, однако хотелось бы знать, как видел будущее этот интриган скандинавского разлива.

— После того как ярл признает тебя женой, всё будет неважно, — отмахнулся Ульрик. — Главное, добейся от него этого и сиди на пиру под покрывалом. Ивар и Даген за тебя объяснят, что таковы обеты. Когда же свершится брачная ночь, ты вольна делать, что захочешь.

Угу. И объясняться с ярлом и его свитой самостоятельно. Гениальный план, в котором мне отведена роль безмолвной пешки.

— Будь послушной, тира, — голос Ульрика завибрировал угрозой. — Будь разумной. Используй данный богами шанс прожить лучшую жизнь, чем жизнь рабыни.

«А то, что эта жизнь будет короткой, а смерть — очень долгой, тебя, конечно же, не волнует», — зло подумала я.

Однако вслух произнесла единственное, что мне оставили:

— Поняла, хозяин Ульрик.

Получила в ответ внимательный, ощупывающий взгляд и короткий кивок:

— Тогда ступай.

Развернулась и зашагала прочь, вновь «забыв» поклониться.

Глава 21

Меня разбудило лёгкое прикосновение к плечу. Не до конца вынырнув из сна, я распахнула глаза и тотчас ощутила, как к губам прижались чужие пальцы.

— Тихо, — шепнула темнота. — Идём, — и я не столько узнала, сколько догадалась: Агда.

Остатки дремоты моментально слетели. Стараясь быть тихой, как мышь под веником, я поднялась с жёсткого ложа рабыни и сунула ноги в башмаки. Агда незамедлительно сжала мою руку, потянула за собой (как она вообще что-то видела во мраке женского дома?), и я, всеми силами напрягая зрение и слух, на ощупь двинулась следом.

Удивительно, но до двери мы добрались, ни на что не налетев и никого не разбудив. Мягко, так что даже петля не скрипнула, Агда открыла створку, и я змейкой выскользнула под звёздные россыпи.

Ночной холод мгновенно проник под одежду — от большого ума я вышла в одной нижней рубахе (даром, что длиной она была до щиколоток). Однако старуха всё предусмотрела: быстро оттащила меня в тень и сунула какой-то свёрток. Я развернула его — шерстяной плащ! Поспешно оделась, завязала ремни башмаков, накинула капюшон, и мол-

чаливо ждавшая Агда вновь цапнула меня за руку. Повлекла за собой, стараясь не выходить на светлые (относительно, конечно) участки, и вскоре стало понятно: мы идём к воротам.

Как обычно, нас проверили четвероногие сторожа, которых я до сих пор побаивалась. По идее, где-то рядом должен был находиться и часовой, однако его Агда явно не опасалась. Она недолго поколдовала над запертым засовом, и ворота Ульрикстадира выпустили нас, не издав ни единого лишнего звука.

Мы быстрым шагом двинулись по дороге, и только сейчас я решилась спросить:

— А куда мы идём?

— К Сейд-камню, — коротко ответила старуха.

Название ничего мне не сказало, однако руки вдруг покрылись гусиной кожей. Я подумала: не уточнить ли? И решила, что не стоит. Вряд ли Агда задумала дурное, а подробности скоро узнаю и так.

***

По обыкновению, старуха недолго шла торной дорогой. Вскоре сойдя с просёлка, мы пересекли луг, где я, как всегда, промочила ноги, и нырнули в темноту леса. Здесь Агда остановилась, зажгла масляный светильник и уверенно по-

вела меня дальше — по-прежнему за руку.

Я понятия не имела, как она выбирала дорогу. Всё, что можно было сказать о нашем пути: он постепенно забирал вверх. Но если бы мне сказали возвращаться одной, чёрта с два я смогла бы это сделать, даже дождавшись утра.

«Такое чувство, что ей и свет не нужен, — скакали мысли. — А лампа — исключительно для меня. Но что же это за Сейд-камень? Ведь сейд — женская магия, верно? Уж не хочет ли Агда устроить мне посвящение в вёльвы? Она обещала какой-то подарок… Эх, боюсь, пустая попытка. Ну какая из меня колдунья? Я и в колдовство-то не верю».

Между тем промежутки между деревьями становились всё больше, а поросшие мхом валуны попадались всё чаще. Я ухитрилась бросить взгляд вверх и увидела в просвете между ветвей бледную полосу Млечного пути. Подъём делался круче, сердце бухало в груди, дыхания носом не хватало. Рубаха липла к спине, ноги так и норовили запнуться за корень или камень. Но вот впереди замаячило открытое пространство, и мы с Агдой выбрались на небольшую, свободную от леса площадку на вершине сопки.

Наверху раскинуло крылья звёздное небо, а перед нами высился Сейд-камень: громадный, похожий на призму валун, лежавший на четырёх «ножках» — плоских маленьких камнях. Старуха почтительно поклонилась ему и произнес-

ла непонятную, напевную фразу. Затем дёрнула меня: повторяй! — и я тоже отвесила неуклюжий поклон.

— Я говорила, что сделаю тебе подарок. — Теперь Агда смотрела мне в лицо, и (что за наваждение?) чудилось, будто сквозь знакомые черты на меня смотрит молодая красивая женщина. — Вот он. Я проведу для тебя обряд, чтобы твой дух, вюрд, сумел заглянуть в будущее. А уж как поступить с тем, что ты там увидишь, — решишь сама. Ты отнюдь не глупа и не слаба, Сиара. И, думается мне, это станет решающим для многих судеб.

Глава 22

— Отпусти мысли.

Из неизменной сумки Агда достала пучки каких-то трав, разложила их по глиняным плошкам с тлеющими угольками и расставила плошки перед Сейд-камнем, огородив небольшой пятачок земли. Вверх заструился синеватый дым, разливая в воздухе горьковатый, навязчивый запах.

— Дыши глубоко.

Старуха провела меня в этот круг, усадила прямо на землю и поставила передо мной последнюю дымящуюся плошку.

— Смотри на дым.

Сама она опустилась напротив, бросила в плошку горсть каких-то листьев. Дым стал гуще, и я с трудом подавила желание закашляться.

— Слушай vardlokkur — песнь, что зачаровывает духов. Ни о чём не думай. Ничего не бойся.

И старуха затянула песню, слова которой вроде бы были понятны, однако смысл их постоянно от меня ускользал.

— Смотри внимательно. — Агда вроде бы пела, но и говорила тоже. — Три события увидишь ты: то, что можно изменить; то, что будет изменено; то, что изменить невозможно. Запомни их.

В плошку полетела новая порция листьев, дым повалил

клубами, и в их бледной густоте я вдруг разглядела…

***

Полумрак тесной комнатушки, которую почти целиком занимает кровать. Кипы мехов, на них — обнажённая девушка. Лица не видно, только светлые волосы рассыпались по тёмным звериным шкурам.

Над девушкой нависает мужчина. Из одежды на нём — одни штаны, но это, очевидно, ненадолго. Пепельные пряди, литые мускулы спины, шрамы. Видение не передаёт звуков, но я почти слышу скрипы и шумные вздохи.

А потом всё меняется. Мужчина вздрагивает, резко спрыгивает на пол. Успеваю заметить, что глаза у него почему-то закрыты. Он хватает стоящий у изголовья меч, и одновременно в комнатушку врываются вооружённые тени. Лиц не разобрать, только лезвия топоров взблёскивают в замахах.

Две тени падают — их успел достать меч. Но и мужчина оседает с раскроенным черепом. Забившаяся в угол девушка раскрывает рот в беззвучном крике. Никак не могу понять, кто это. Тени заслоняют её от меня — не нужно быть провидцем, чтобы понять дальнейшее.

И видение гаснет.

***

Однако почти сразу приходит второе. Меня забрасывает в гущу жестокой битвы. Взлетают топоры и мечи, разят копья, сталкиваются деревянные щиты. Звуков нет, но несложно представить, какая какофония из звона, хруста, криков и стонов стоит на поле боя.

Получается разобрать, что у одних на щитах нарисована раскинувшая крылья птица, а у других — кабанья голова. Первые вроде бы проигрывают вторым: чаще обороняются, чаще падают на залитую кровью землю.

«Проиграют», — думаю я, и отчего-то сжимается сердце.

И вдруг прямо посреди смертного ада возникает она. Женщина на белом коне с копьём в руке, одетая в блистающую кольчугу и крылатый шлем.

«Валькирия?» — изумляюсь я.

Копьё взлетает, бьёт без промаха, и воины с птичьим гербом вдохновенно бросаются в бой. Их противники заметно растеряны, и хотя видение темнеет, я почти не сомневаюсь: в ходе сражения произошёл решающий перелом.

***

А затем наступает пора третьего видения. Целая флотилия крутобоких драккаров под полосатыми парусами

неспешно отчаливает от берега. Их провожает толпа, и я замечаю среди обычных одежд богатые одеяния знати. Всматриваюсь в корабли: чьи они? Куда направляются? Видение не хочет объяснять, лишь немного приближает один, позволяя рассмотреть стоящих на корме мужчину и женщину. Он светловолос, у неё волосы как будто тёмные. Напрягаю зрение, но невесть откуда взявшийся порыв ветра направляет дым в лицо. Глаза начинают слезиться, смаргиваю — и всё пропадает.

***

— Запомнила?

Агда смотрела на меня сквозь дым: осунувшаяся, с глубокими морщинами, с резкими тенями, превращавшими лицо в неживую маску.

— Да. — Мне пришлось сделать усилие, чтобы выудить из памяти нужное слово.

— Тогда поблагодари духов и Сейд-камень, и идём обратно.

Я заторможенно кивнула. Неуклюже поднялась, поклонилась камню. Замерла, не зная, что ещё от меня ждут, и вдруг охнула от кольнувшей над грудью боли. Прижала ладонь к тому месту и встретила внимательный взгляд Агды.

— Когда придёт время спеть vardlokkur, пой, не раздумывая над словами, — сказала старуха. — А теперь помоги мне. Гаси плошки против солнца.

Мы по очереди погасили плошки (последней стала та, в дыме из которой ко мне пришли видения) и остатки их содержимого высыпали в выкопанную у подножия Сейд-камня ямку. Напоследок поклонились мистическому месту и пустились в обратный путь.

К воротам Ульрикстадира мы подошли в предрассветных сумерках. Агда довела меня до женского дома, где я вернула ей плащ. Затем, стараясь не стучать зубами, просочилась в спёртую, но тёплую темноту общей комнаты и кое-как добралась до своего места.

— Чего спать мешаешь? — проворчал рядом недовольный и сонный голос Уллы.

— Прости, — пробормотала я.

Торопливо скинула башмаки и улеглась, закутав ледяные ноги одеялом.

Надо было постараться вздремнуть — грядущий день обещал быть непростым. Но хотя усталость придавливала меня

тяжёлой тушей, уснуть не получалось. Даже не оттого, что я никак не могла согреться — нервы не желали успокаиваться после пережитого мистического опыта. Я всё перебирала и перебирала в уме три видения, толкуя их так и этак.

«То, что можно изменить».

Нападение в брачную ночь? Таков был план заговорщиков, от которого Ульрик пожелал уберечь дочь? Но как мне предотвратить трагедию? Поверит ли ярл рассказу? Не будет ли слишком поздно?

«То, что будет изменено».

Перелом в битве? Но кто и с кем сражается? И что за валькирия, вдруг решившая вмешаться? Она реальна, или это аллегория?

«То, что изменить невозможно».

Я ли стояла на палубе драккара? С кем? Куда и зачем уплывали корабли?

Вопросы, вопросы… Лишь будущее знало на них ответ, так стоило ли мучиться сейчас? И всё равно я ворочалась на жёсткой лавке, по сотому кругу гоняя одни и те же мысли. Задремала буквально на рассвете, и почти сразу меня неласково толкнули:

— Сиара! Поднимайся! Новый день настал!

Глава 23

Чтобы объявить о моём освобождении, Ульрик в самом деле собрал всех обитателей одаля. Я стояла рядом с ним и Кельдой, смотрела на разношёрстную толпу: мужчины и женщины, взрослые и дети, рабы и свободные, крестьяне и воины — и ловила ответные взгляды.

Любопытствующие — жизнь среди лесов и фьордов не радовала разнообразием событий. Откровенно завистливые — не одна моя товарка по женскому дому хотела бы оказаться на моём месте. Равнодушные — преимущественно воинов. Оценивающие — тоже мужские, но теперь нестрашные для меня, ведь насилие над свободными женщинами здесь не приветствовалось и могло довести насильника даже до изгнания.

Да, все пришли послушать, что скажет хозяин одаля. Все, кроме одного: Ивара. И что-то мне подсказывало, такой поступок вряд ли будет спущен на тормозах.

— Слушайте все! — звучный голос Ульрика перекрыл гомон толпы. — Я, Ульрик Серый Лис, хозяин Ульрикстадира, объявляю свою волю перед богами и людьми! Эта женщина, Сиара Беспамятная, верно служила мне, за что сегодня я вознаграждаю её свободой! Я принимаю её в семью, как родню по слову, и даю имя Сиары Счастливицы из рода

Ульрика!

«Вот уж действительно: счастливица», — усмехнулась я в мыслях. Толпа же загудела громче — удивлённая и жадно строящая догадки о причинах подобной милости. Я поймала непроницаемый взгляд Дагена и почти такой же — стоявшей рядом с ним Бьорг. И сразу же отвлеклась на продолжившего речь Ульрика.

— Прими этот знак, — он протянул мне широкий серебряный браслет-ободок, украшенный янтарём и причудливым орнаментом, — как символ твоего нового статуса.

Я с поклоном взяла украшение, надела на запястье и, догадавшись, что пришло время ответного слова, произнесла:

— Благодарю за честь и доверие, Ульрик Серый Лис. Я с радостью и уважением принимаю твой дар и постараюсь оправдать возложенное на меня.

Острый взгляд Ульрика внятно предупредил: осторожнее со словами. Однако я уже всё сказала, и после короткой паузы новоявленный родственник объявил:

— Этим вечером у нас будет двойной праздник! Обретение новой родственницы и проводы моей дочери Бьорг, ко-

торая отправляется в Вестфольд, на свадьбу с ярлом Ронгвальдом!

Вот это было встречено уже с однозначным энтузиазмом: праздник всегда хорошо, вне зависимости от повода. Потому расходился народ, что называется, «на позитиве».

Меня же поманила Кельда, и я вошла следом за ней в долгий дом — теперь уже как полноправная (пусть ненадолго) его жительница.

Зажиточность Ульрика, кроме прочего, показывало наличие в доме отдельных отгороженных каморок. Одна выполняла роль хозяйской спальни, в другой спала Бьорг, третья отводилась для особо почётных гостей. Эту-то каморку мне и показали, сообщив, что здесь я буду спать.

— До середины ночи, — тихо добавила Кельда. — Дальше поменяешься местами с Бьорг. Я разбужу, и утром тоже — соберу тебя в дорогу.

— Хорошо, — отозвалась я, понимая, что моё согласие — чистейшая формальность. — Скажи, Кельда, я могу провести этот день вместе с Агдой?

Хозяйка поджала губы. Она столько усилий приложила, чтобы держать меня подальше от старухи, а тут такая просьб-

ба!

— Нет, Сиара. Ты будешь со мной: тебе надо научиться вести себя, как свободная женщина. Я расскажу, что ожидает тебя в Вестфольде, и каковы обязанности жены и хозяйки.

«Можно подумать, кем-то предполагалось, что я буду хозяйствовать», — хмуро подумала я, огорчённая, что просьба в лоб не сработала.

Получится ли теперь увидеться с Агдой до отъезда? По-человечески попрощаться — она ведь столько для меня сделала! А мне, кроме благодарности, и отдариться нечем…

— Идём. Первый урок, который ты должна выучить: хозяйка должна знать обо всём, что происходит в её владениях.

И Кельда повела меня своими глазами смотреть на «один день из жизни хозяйки одаля».

***

Почти до самого вечера я ходила за ней хвостиком. Помалкивала, старалась вникать в происходящее (вдруг когда-нибудь пригодится) и, конечно же, выслушивала разнообразные наставления.

Из того, что касалось моей роли «подменной Бьорг», я уяснила: главное — это помалкивать. Ивар (который, кстати,

до сих пор не объявился) и Даген решат любые возникающие вопросы. Мне же важно не снимать покрывала и всюду, даже для похода по естественной надобности, брать с собой Уллу.

— Пока Ульрик лишь объявил, что она поедет вместе с хозяйкой Бьорг, — пояснила Кельда. — О том, что место моей дочери займёшь ты, ей скажут почти перед самым отъездом.

Понятное дело, чтобы не наболтала лишнего.

— Ночевать в дороге будешь в шатре, — продолжала хозяйка, — а поедешь в повозке. Путь в Вестфольд торный — если боги не пошлют дождей, добраться не составит труда. От дурных людей уберегут топоры воинов, что отправятся с тобой. Да и мало кто захочет нажить такого врага, как Ульрик Серый Лис или ярл Ронгвальд.

Последнее вызвало у меня прилив скептицизма, который я, впрочем, оставила при себе. Кельда же повела меня на кухню: проследить за подготовкой к вечернему пиру, а заодно вполголоса объяснить, как следует вести себя во время свадебной трапезы.

***

День постепенно клонился к вечеру, а я никак не могла изобрести предлог, чтобы хоть ненадолго сбежать к Агде. В последний раз я видела её мельком на церемонии моего

освобождения: старуха ободряюще улыбнулась, и её заслонили от меня какие-то рабыни. После же, сколько мы с Кельдой ни ходили по Ульрикстадиру, Агда на глаза не попадалась.

«Снова ушла в лес? — гадала я. — Или ещё куда? Или просто так получается, что мы до сих пор не пересеклись?»

Задать вопросы было некому, однако ответы на них я получила почти перед самым ужином. Мы с Кельдой как раз шли к долгому дому, когда от ворот послышались оживлённые голоса. Нахмурившись, хозяйка свернула туда, а я тенью двинулась следом. И не без удивления увидела идущих навстречу неприкрыто довольную Агду и чуть позади неё хмурого и всем видом выражавшего решительность Ивара.

Глава 24

— Где ты был? — не смущаясь присутствием посторонних, напустилась Кельда на сына. — Отец в гневе!

На щеках помрачневшего, как грозовое небо, Ивара вздулись желваки. Тем не менее он промолчал, а ответ за него дала Агда.

— Я нашла его у Змеиного фьорда, — спокойно сообщила она. — Твой сын, хозяйка Кельда, готовил лодку, чтобы уплыть прочь. Однако я отговорила его от этой глупости.

От обычно румяных щёк Кельды отхлынула кровь.

— Как уплыть? — Она заломила руки. — Ивар, что ты придумал?

И столько страдания было в её голосе, что сын не мог не опустить голову.

— Он остался, хозяйка Кельда, — с нажимом напомнила Агда. — Он выполнит порученное отцом и проводит сестру под венец. Нет нужды огорчаться о неслучившемся. А теперь, Ивар, — она взглянула на него с неожиданной суровo-

стью, — ступай к отцу и прими от него всё, что заслужил.

Ивар сжал кулаки. Он явно ломал себя, ломал свою гордость — ради чего? Не ради меня ведь, верно?

— Ступай, — властно повторила Агда, и Ивар всё так же молча двинулся в долгому дому. Первые шаги он ещё смотрел в землю, но затем выпрямился, расправил плечи.

«Только бы не поцапался с Ульриком ещё сильнее», — с тревогой подумала я. Перспектива путешествовать под присмотром одного Дагена чрезвычайно не вдохновляла.

Агда и Кельда проводили Ивара долгими взглядами, а затем старуха сказала:

— А теперь, хозяйка Кельда, дай мне перекинуться несколькими словами с Сиарой Счастливицей. Не бойся, я лишь дам ей немного наставлений перед пиром в долгом доме.

Рот Кельды сжался, на лице промелькнуло сомнение. Однако благодарность Агде за то, что та вернула Ивара, перевесила иные резоны. И Кельда нехотя кивнула:

— Хорошо, только не затягивай.

Агда со значением улыбнулась и поманила меня за собой.

Мы отошли недалеко — Кельда могла нас видеть, но не слышать. И всё равно старуха понизила голос.

— Ну, поздравляю, Сиара Счастливица! Третье имя получила ты, и звучит оно Сиара Тёмная.

Я непонимающе моргнула: что за третье имя? От кого получила? И Агда не стала мучить меня неизвестностью.

— Перед тем как отправиться на розыски Ивара, я слышала разговор двух рабынь. Они были совершенно уверены, что ты околдовала хозяина и хозяйку. Иначе ради чего те осыпали тебя такими милостями?

Теперь пришла моя очередь сжимать зубы. Что за жизнь! Неужели нельзя было хотя бы с этой стороны дерьма не подкладывать?

— А когда выяснится, что вместо Бьорг в Вестфольд уехала ты, — тем временем продолжала Агда, — они окончательно утвердятся в этом мнении. Потому, Сиара Счастливица, мой тебе совет: уезжай не оглядываясь.

Я молча кивнула. Не то чтобы я собиралась возвращаться,

но чувство, что путь назад отрезан, было неожиданно болезненным.

— Я не буду скучать по Ульрикстадиру. — Слова так и норовили застрять в горле. — Но по тебе, Агда, сердце моё станет плакать навзрыд.

— Не глупи! — Старуха погрозила пальцем, хотя я видела, что её тронуло услышанное. — Вспоминай с добром и лети дальше на крыльях чаек. Не позволяй памяти стать грузом; сгибаться под ним — удел стариков. Я верю в добрую судьбу для тебя и завтра непременно приду проводить.

— Спасибо!

В глазах защипало, и чтобы не разреветься прямо сейчас, я крепко обняла Агду. Почувствовала, как меня с материнской лаской погладили по спине.

— Иди, Сиара Счастливица. Иди и оправдай своё имя.

Агда мягко отстранила меня. Улыбнулась, и я ответила ей скомканной улыбкой. Сделала шаг назад, неловко смахнула с ресниц влагу и наконец развернулась к долгому дому. Стоявшая у крыльца Кельда не без раздражения махнула мне, и я послушно направилась к ней.

И как у Ивара, сначала плечи мои горбились, но затем я заставила себя поднять голову и распрямиться. А когда подошла к Кельде, спокойно выдержала её внимательный взгляд.

— Идём, — после испытывающей паузы сказала хозяйка. — Мужчины скоро придут на ужин, надо проверить, всё ли выставлено на столы, как положено.

Я молча кивнула и следом за Кельдой вошла в дом.

Глава 25

Викинговский «пир на весь мир» (или хотя бы на отдельно взятый одаль) внушал уважение. Птица и рыба, свежий хлеб, овощи, копчёное и жареное мясо, а в самом центре общего стола возлежал целый жареный кабан. На отдельном столике стояли чаши и рога на подставках — их пирующим должны были подносить специально выбранные Кельдой рабыни. Подобное, видимо, считалось честью, поскольку среди удостоившихся её была и Улла.

Я знала, что трэллы сегодня тоже будут пировать, и подозревала, что истинная цель праздника — оставить к утру как можно меньше людей, способных заметить подмену будущей невесты. И сказать по правде, предпочла бы вместо участия в грядущем «поедалище» и «попоище» просидеть весь вечер в отведённой мне клетушке-комнатушке.

Однако Ульрик сказал «праздновать», и отвертеться было нельзя. Меня усадили рядом с до сих пор мрачным Иваром (спасибо, что не с Дагеном!) и напротив Бьорг. Ульрик поднял первый рог, громогласно провозгласил: «Skål!», и пир начался.

Не знаю, повезло мне или праздники викингов в принципе были не такими разгульными, как привыкли считать обыватели двадцать первого века. По уровню адекватности

это было на уровне студенческих посиделок в общаге: с песнями, сомнительными шутками, но без реальных оскорблений и уж тем более без мордобоя. Пила я символически, зато ела с удовольствием: вид блюд и вкусные запахи разбудили нешуточный аппетит. Мне даже довелось попробовать кабана — хмурый Ивар неожиданно почувствовал в себе джентльмена и отрезал для меня кусочек от лопатки. За это Бьорг наградила брата недовольным взглядом, который, впрочем, прошёл мимо адресата.

«А ведь он тоже почти не пьёт, — заметила я, то и дело бросая на Ивара взгляды. — Интересно, ему сильно попало от отца? И как Агде удалось его отговорить? Уж не устроила ли она и ему сеанс предсказаний?»

Вопросы были риторическим в том смысле, что ждать на них ответов не имело смысла. И я продолжила приглядываться к остальным пирующим. Большинство ни в чём себе не отказывали, однако кое-кто, в точности как Ивар, едва пригубливали из кубков.

«Похоже, именно им меня сопровождать, — решила я. — Ха! А Ульрик-то тоже не злоупотребляет! Всё-таки правильное у него прозвище».

Откусила от пирожка с мёдом брусникой (вкуснейшая

штука! Жаль с ними заморачиваются только по праздникам), и тут со своего места поднялась Бьорг.

«Похоже, сейчас будет то, ради чего вся эта тема и затевалась».

Я торопливо проглотила пирожок, а Ульрик хлопнул в ладоши, привлекая внимание пирующих. Гул голосов уменьшился вполовину, и тогда хозяйская дочка заговорила.

— Слушайте, боги Асгарда! Слушайте, свободные люди! Я, Бьорг Красивые Волосы, дочь Ульрика Серого Лиса, хочу дать обет!

В зале стало ещё тише.

Бьорг подняла свою чашу.

— Перед богами и людьми клянусь: дабы брак со мной принёс удачу моему супругу, до самого брачного ложа не заговорю ни с кем, кроме кровных родственников, и никому не покажу своего лица!

Она сделала глоток, поставила чашу на стол и торжественно-театральным жестом протянула руку. Улла незамедлительно вложила в неё широкую налобную ленту с пришитым

шёлковым платком. Бьорг повязала ленту на голову, и оказалось, что в платке имелась специальная прорезь для глаз.

«М-да, — только и подумала я, глядя на превращение скандинавки в восточную женщину. — В походах, что ли, насмотрелись? Викинги вроде бы с арабами пересекались».

Бьорг же величественно опустилась на своё место, и Ульрик незамедлительно поднял рог, приветствуя поступок дочери.

«Первый пункт хитрого плана выполнен», — флегматично подумала я, глядя на него.

Заметила, с какой силой Ивар сжал свою чашу, и тихонько вздохнула: сложно парню, но деваться некуда.

Ни ему, ни мне.

***

Пировали долго. Солнце давно село, небо усыпали звёзды, а в долгом доме ещё стучали мисками и горланили песни. Усталость всё сильнее наваливалась на меня, имея в союзниках тепло и сытость; стали слипаться глаза.

«А ведь впереди ночные перебежки из каморки в каморку, маскировка и прочие развлечения, — ворочались в голо-

ве пессимистичные мысли. — Интересно, получится завтра поспать в повозке? Хотя о чём я. Без рессор, без шин да по дорогам одиннадцатого века — как бы челюсть подвязывать не пришлось, чтобы язык не прикусывать».

Впрочем, клевать носом начала не только я. Но если мужчинам было не к лицу вот так сразу отступать перед Морфеем, от женщин подобного не требовали. Потому Кельда первой поднялась из-за стола и сделала нам с Бьорг знак следовать её примеру. С почти нескрываемым облегчением я прошла следом за хозяйкой к двери в свою клетушку. Не давая мне наконец-то ускользнуть, Кельда коротко сжала мою руку и одними губами сказала:

— Перед рассветом.

Я вынужденно кивнула, и весьма хлипкая, но такая долгожданная преграда отрезала меня от остального долгого дома.

Тюфяк на кровати был чуть толще, чем в хижине Агды, зато одеяло грело гораздо лучше. Я не стала снимать хангерок, только ослабила пояс и скинула башмаки. Забралась в постель, по привычке подтянула колени к груди. Сколько бы мне ни оставили времени, я собиралась его проспать. С этой мыслью закрыла усталые глаза и, не обращая внимания на шум за тонкой стенкой, провалилась в сон.

Глава 26

— Сиара!

Раздражённый шёпот, резкое встряхивание за плечо.

«Да как же всё это достало!»

Тем не менее вариантов не было. Я разлепила глаза и в тусклом свете масляной плошки увидела Кельду и Бьорг. Хозяйка отрывистым жестом велела подниматься, и я стащила себя с кровати. Бьорг немедленно заняла моё место, послала полный злорадного удовлетворения взгляд и укрылась одеялом, пряча светлые волосы. Кельда же нацепила мне на голову покрывало и, не дожидаясь, пока я поправлю долбанную прорезь и смогу хоть что-то видеть, потащила из клетушки.

В общей комнате стоял богатырский храп и такой перегарный дух, что можно было повесить разом все топоры присутствующих. Я наконец-то смогла сдвинуть покрывало так, чтобы не идти вслепую, и вместе с Кельдой совершила осторожную перебежку к комнатушке Бьорг. Хозяйка быстро впихнула меня за дверь, вошла сама и плотно притворила створку. Всё тем же отрывистым шёпотом приказала:

— Снимай покрывало и садись! Спиной ко мне! — и я,

подавив вздох, опустилась на кровать, на которой уже лежал полный наряд богатой девицы-путешественницы.

Дальше началось перевоплощение. Мои волосы безжалостно стянули в пук на затылке — так, чтобы ни единого волоска не выбивалось, — заплели в косу и уложили кольцом вокруг головы, закрепив почти дюжиной заколок. Затем пришло время для искусственной косы. Была она из конского волоса, как обещал Ульрик, или под это дело остригли какую-то девушку, я сказать не могла. Фальшивку надёжно прикололи у меня на затылке, и Кельда прошипела:

— Смотри не вздумай дёргать!

Затем указала мне на разложенную одежду, и я понятливо начала переодеваться.

Вот всё-таки чего нельзя было отнять у викингов, так это практичности. Девице предстоит дальняя дорога? Выпишем ей штаны, а у нижней рубахи сделаем боковые разрезы, чтобы было удобнее и ноги не путались. Грубые башмаки заменим сапожками, хангерок дадим шерстяной, а подвязывает его пусть широким поясом — дополнительное тепло для поясницы. Плащ с капюшоном тоже будет шерстяной, а голову пусть покроет платком — и волосы не видно, и не продует. Всё-таки Север, а время к тёмной половине года.

Вот только бус и украшений многовато, но тут уж деваться

некуда. Богатая невеста должна и выглядеть богато.

— Неплохо, — оценила мой внешний вид Кельда, заставив покрутиться так и этак. — Теперь отдай браслет, который подарил тебе Ульрик.

Ну да, носить его было откровенным палевом, а то, что для меня это символ свободы, никого не волновало.

Тем более что и свобода как таковая являлась фикцией.

Я молча сняла браслет и протянула Кельде. Забрав его, хозяйка напоследок окинула меня взглядом и сообщила:

— Отъезд с рассветом. Я принесу еду, чтобы подкрепиться перед дорогой. Пока жди.

Она сняла плошку с крюка возле двери и, прикрывая огонёк ладонью, выскользнула из каморки. Я осталась в одиночестве и полной темноте, но ни капли этому не огорчилась. На ощупь накинула плащ, завернулась в него и прямо в обуви улеглась на кровать.

Поспать уже вряд ли получилось бы, да и смысла не имело — скоро время завтракать и отправляться. Потому я просто закрыла глаза и постаралась расслабить тело. Наивная попытка хотя бы так ослабить натяжение во взведённых ад-

реналином нервах.

«Ничего, — утешала я себя. — Сделать так, чтобы меня не узнали до самого Вестфольда, — головная боль Ульрика и Ко. Мне же покамест лучше не проявлять инициативу и вообще вести себя бессловесно и послушно. И одновременно, как говорит Агда, держать глаза и уши открытыми. Кто знает, не подвернётся ли по пути возможность сделать всем этим Макиавелли ручкой? Я теперь лейсинг, тёплая одежда и добротная обувь у меня есть. Может, получится удрать и обосноваться где-нибудь под видом вёльвы? Или просто травницы: всё-таки Агда успела меня кое-чему научить».

Перед мысленным взором встало первое предсказание, заставив поёжиться.

То, что будет изменено.

«Да, нормальный вариант. Нет невесты — нет свадьбы — нет нападения. Ярл остаётся жив… до следующего хитрого плана точно. И вообще, меня должна волновать собственная судьба, а не его. Может, он мудак похлеще Дагена, и это ему справедливое возмездие?»

Мысли кружились заевшей пластинкой, напряжённый слух всё пытался уловить шаги за дверью, время напоминало жвачку. И уже хотелось: скорей бы! Скорей бы действие,

дорога, что угодно, только не это тупое, утомительное ожидание.

И наконец ко мне прислушались. За стеной раздался негромкий звук, и в клетушку вошла Кельда. Я торопливо села на кровати, и хозяйка отчего-то с подозрением взглянула на меня. Подала большую миску с густой овсяной кашей, на краю которой лежал толстый ломоть хлеба, а поверх него — кусок холодного мяса, и распорядилась:

— Ешь. Сейчас принесу молока.

Повторять мне не требовалось. Ужин, несмотря на обильность, успел утрястись, а в следующий раз мне предстояло поесть только вечером. Потому я съела всё до крошки и до капли выпила принесённое Кельдой молоко.

— Готова? — риторически спросила хозяйка. — Тогда надевай покрывало и идём.

Пришлось цеплять на себя платок, причём Кельда собственноручно проверила, хорошо ли завязаны узлы налобной повязки. В последний раз осмотрела меня и, крепко взяв за руку, повела из клетушки.

В общей комнате до сих пор спали, но хотя бы через отверстие в потолке лился слабый свет. Кельда провела меня

между лавок со сноровкой опытного лоцмана, и мы наконец вышли из долгого дома.

Ах, как приятно было вдохнуть свежий воздух, пусть и через ткань платка! И как здорово, что в кои-то веки я не мёрзла от утренней осенней прохлады, а чувствовала комфортное тепло! Должно быть, поэтому (а ещё благодаря сытному завтраку) я смотрела на предотъездную суету во дворе если не с оптимизмом, то точно без тоски и отчаяния.

— Ну, дочь, — подошёл ко мне Ульрик, — поезжай с моим благословением.

Обнял меня (театр такой театр) и повёл к изукрашенной резьбой повозке, где уже были сложены тюки и сундуки с приданым Бьорг.

Глава 27

Сопровождать меня (точнее, Бьорг) должны были десять воинов, включая Ивара и Дагена. Командиром отряда, судя по количеству летевших направо-налево распоряжений, был назначен последний, и не скажу, чтобы я этому сильно обрадовалась.

Похоже, Ульрик таким образом выказал неудовольствие по поводу поведения родного сына и попутно создал приличный потенциал для возникновения проблем у меня в будущем. Но кого это волновало? Риторический вопрос.

В повозку на высоких деревянных колёсах были впряжены две низкорослые викинговские лошадки. Улла уже сидела среди тюков, а я, как предполагалось, должна была занять место на широких козлах справа от возницы — молчаливого и хмурого Рудра, чьё лицо пересекал уродливый шрам и на чьей левой руке не хватало двух пальцев. Он как-то приходил к Агде за травами, и после старуха обронила, что его мне опасаться нечего. Потому сейчас я отнеслась к соседству вполне спокойно, а когда оказалось, что по другую сторону от возницы поедет Ивар, почувствовала ещё большее облегчение.

Между тем приготовления к отъезду были завершены. Ульрик и Кельда напоследок обняли меня, не забыв шеп-

нуть, чтобы я помалкивала, не снимала покрывало и вообще вела себя паинькой. Рудр протянул мне ладонь, чтобы помочь забраться в повозку, и я буквально взлетела на козлы. Ивар, получивший от матери нежные объятия, а от отца — суховатые наставления, тоже занял своё место, но не успел возница щёлкнуть поводьями, как рядом с повозкой словно из-под земли возникла Агда.

— Доброго пути, хозяйка Бьорг! — Старуха протянула мне столь знакомую холщовую сумку, плотно набитую чем-то. — Ты много узнала от меня, потому найдёшь этому применение.

«Спасибо, Агда!»

Но я помнила: Бьорг дала обет молчания. Так что лишь благодарно склонила голову и приняла подарок.

Агда отступила, и под прощальные пожелания повозка, поскрипывая, тронулась с места. Первыми в уже распахнутые ворота выехали Даген и незнакомый мне воин, дальше покатилась повозка, а следом за ней — остальной отряд. И пускай Ульрикстадир был не тем местом, куда мне хотелось возвращаться, я, рискуя свалиться с козел, обернулась и на прощание взмахнула рукой.

Только не стоявшим в воротах хозяину и хозяйке, а дер-

жавшейся позади них сгорбленной старухе в красном платке.

«Благослови тебя все боги Асгарда, Агда».

В следующий эта мысль пришла, когда чуть позже я заглянула в отданную мне сумку. На её дне под пучками разнообразных трав и мешочками с готовым сырьём лежал длинный кинжал в неброских ножнах и с навершием в виде волчьей головы. Не уверена, что смогла бы бестрепетно им воспользоваться, однако знание, что теперь у меня есть оружие, значительно прибавило твёрдости взгляду, которым я смотрела в неизвестность долгого пути.

***

Первый день путешествия прошёл неплохо. Ехали мы, разумеется, медленно — от силы километров семь в час, — и трясло на ухабах порядком. Однако сверху не капало, пускай после обеда небосклон и затянули тучи, да и ветра особого не было. Нам пришлось пересечь вброд пару широких, но неглубоких ручьёв, в остальном же дорога оставалась наезженной и позволяла держать равномерный темп.

Остановок почти не делали, разговоры во время пути тоже особенно не вели. Дорогу скрашивали пейзажи осенней Скандинавии да мелодичный перезвон колечек на лошадиной сбруе. Когда же подошло время отыскивать ночлег, Даген разослал спутников по сторонам, и вскоре один из них привёз известие о подходящей полянке в стороне от дороги. Повозка неуклюже свернула с тракта и поползла к краю об-

ширного ельника, тёмно-зелёной шубой покрывавшего гряду невысоких холмов. Там по дну широкой балки бежала змейка говорливого ручейка, на берегу которого и было принято решение заночевать.

Застучали топоры, расчищая место для лагеря, а заодно рубя лапник под постели и хворост для костра. Пока мужчины ставили для меня обещанный шатёр, я незаметно (как надеялась) прицепила к поясу кинжал Агды и в сопровождении молчаливой Уллы немного прогулялась вверх по течению. Нашла подходящую заводь и, пользуясь отсутствием посторонних, подняла успевшее осточертеть покрывало и с удовольствием умылась и напилась. Затем снизу вверх посмотрела на рабыню и встретила непроницаемый ответный взгляд. Неторопливо поднялась и тихо сказала:

— Я тоже лишь выполняю приказ хозяина.

Улла сдержанно кивнула, но о чём при этом подумала, осталось загадкой. Несколько секунд мы играли в гляделки, а затем я опустила покрывало на лицо и сделала жест: идём обратно.

Несмотря на скрывшееся за холмами солнце, мы без проблем вернулись к лагерю. В центре его уже пылал высокий костёр, над которым висел большой котелок с водой. Шатёр для меня стоял чуть в стороне и представлял собой невысокую треугольную палатку, на деревянный и красиво укра-

шенный резьбой каркас которой была натянута плотная шерстяная ткань. Места в шатре было максимум двоих человек, однако я эгоистично рассчитывала, что Улла будет ночевать где-нибудь ещё. Пол устелили еловыми ветками, сверху бросили шкуры, оставив таким образом лишь небольшой пятачок голой земли при входе. Укрываться я должна была шерстяными одеялами, и в целом считала свою нынешнюю постель гораздо лучше тюфяка и лавки в Ульрикстадире.

Воспользовавшись тем, что бытовыми хлопотами занимались без меня, я ушла в шатёр. Сняла плащ, откинула с лица покрывало и с удовольствием разлеглась на шкурах. Спину после целого дня тряски на козлах ощутимо ломило, ноги ныли от долгой неподвижности в не самом удобном положении.

«Любопытно, сколько нам ехать? — вяло размышляла я. — И насколько безопасна дорога? Надо бы держать кинжал под рукой, а то мало ли. И попытаться расспросить Ивара — с остальными разговор для меня заказан. Хотя, может быть, Улла тоже в курсе?»

По ту сторону хлипкой стены шатра послышались шаги. И только я успела торопливо сесть и опустить покрывало на лицо, как полог уверенно откинула чья-то рука, и в светлом треугольнике проёма возникла тёмная фигура мужчины.

Глава 28

Я инстинктивно схватилась за рукоять кинжала, но почти сразу выпустила её, узнав Ивара. Поднялась на ноги и оказалась с сыном Ульрика почти нос к носу. Почти — потому что разницу в росте никто не отменял, и смотрел на меня незваный посетитель откровенно сверху вниз. Молчал — и я тоже молчала, давая ему заговорить первым.

— Похлёбка скоро будет готова, — наконец произнёс Ивар отрывисто. — Тира принесёт тебе. Из шатра выходи только по крайней нужде и не одна. Я скажу тире, чтобы на ночь принесла сюда горячих камней и сама легла спать при входе. В дорогу отправляемся на рассвете, потому готовься встать рано.

Последняя фраза была концом ликбеза. Ивар собрался уходить, однако я поспешила его остановить.

— Подожди! Сколько дней нам ехать до Вестфольда?

На лице Ивара отразилось нежелание продолжать разговор, но он всё же ответил:

— Ещё три, не считая этого.

— Дорога опасна?

Ивар пожал плечами.

— Не бывает безопасных дорог.

Взялся за край полога, однако я вновь подала голос.

— Спасибо тебе.

Пальцы Ивара с неожиданной силой сжали край оленьей шкуры.

— Не один раз я пожалел, что спас тебя из вод Широкого фьорда, — глухо произнёс он, и я, ни чуть не обидевшись, парировала:

— Даже богам не дано избежать предсказанного норнами. Чему суждено сбыться, сбудется — хоть со мной, хоть без меня. А ты помни: тебе я не враг, и за добром обязательно отплачу добром.

У Ивара вырвался горький смешок. И оставив мою короткую речь только с этим ответом, он покинул шатёр.

Как и было обещано, вскоре Улла принесла миску похлёб-

ки на бульоне из подстреленной по дороге утки, кружку кваса и несколько горячих камней для обогрева. Я поужинала, в сопровождении спутницы прогулялась по естественной надобности и легла. Раздеваться не стала: ограничилась развязанным поясом и снятым покрывалом. Даже платок на голове оставила, вспомнив походную мудрость, что так меньше шанс замёрзнуть ночью.

От костра доносились голоса, Улла возилась, устраиваясь на отведённом ей месте — завернувшись в одеяла и положив кинжал так, чтобы была возможность сразу же его схватить, я обращала на это внимание поскольку постольку. Сон властно затягивал меня в свои чёрные воды, и я, не имея ни сил, ни желания сопротивляться, вскоре погрузилась на самое дно.

***

Утро подкралось незаметно. Вроде бы только-только сомкнула глаза, а меня уже тряхнули за плечо: подъём! Пришлось разлеплять глаза и выбираться из тёплого одеяльного гнёздышка в неласковую зябкость осеннего рассвета.

На завтрак все получили сухпай из ржаной лепёшки, вяленого мяса и сладковатого сыра мюсост. Запить это предлагалось водой из ручья — костёр больше не разводили. Затем мужчины оперативно свернули лагерь, и путешествие продолжилось.

Пожалуй, с точки зрения человека двадцать первого века,

дорогу в Вестфольд можно было смело назвать и скучной, и тяжёлой. Целые дни тряски на козлах; каждой клеточкой ноющее тело; достаточно однообразные пейзажи: сопки, леса, луга.

Реки и узкие разломы фьордов мы либо пересекали вброд, либо по не внушавшим доверия деревянным мосткам. Разговоров почти не вели — мужчины расслаблялись лишь вечерами у костра. В дороге же они сосредоточенно следили за окрестностями, перебрасываясь необходимыми фразами. Со мной, естественно, не разговаривал вообще никто — даже Ивар больше не подходил. Однако время от времени я чувствовала на себе внимательные взгляды спутников, и особенно часто — Дагена.

Чёрт его знает, о чём этот тип думал. Не лез, и на том спасибо. Я вообще сильно рассчитывала, что, добравшись до Вестфольда, наконец избавлюсь от этой «проблемы». Да, параллельно наверняка наживу новых, но хотя бы его забуду, как страшный сон.

Лишь бы только добраться до места без происшествий! Пока, кроме слов Ивара, что безопасных дорог не существует, никаких предпосылок столкнуться с лихими людьми вроде бы не было. Не встретив иных путешественников, мы спокойно провели в пути второй день, переночевали на берегу мелкого озерца и двинулись дальше.

Сейчас же предстояла последняя ночёвка, а завтра вечером я должна была встретиться с тем, кому прочили в жёны Бьорг.

И стану ли ему женой я, было отдельным вопросом.

***

— Пристанище! — громко провозгласил один из вернувшихся разведчиков. — Как и обещано!

Даген кивнул ему, распорядился осмотреть окрестности, но отряд, не дожидаясь результатов рекогносцировки, съехал с дороги и направился к синевшему в стороне лесу.

«Что за пристанище? — Ах, с каким удовольствием я бы расспросила Рудра или Ивара, если бы могла! — Гостиница? Разве в это время существовали гостиницы?»

Оказалось, существовали, правда, весьма своеобразные. Низкое и длинное (то есть в типично викинговском стиле) строение выглядело откровенно неказистым. Тёмное от времени дерево, мох на крыше, покосившееся крыльцо. Однако внутри было чисто, а в углу лежали дрова, словно здесь поджидали гостей.

— Вода в колодце добрая! — доложил Дагену один из воинов, и командир отряда уверенно постановил:

— Ночуем здесь.

Говоря откровенно, я бы предпочла и последнюю ночь провести в шатре, а не в одном помещении с мужчинами. Да, для меня отгородили дальний угол, завесив его полотнищем от шатра, но всё равно это было совершенно не то. Потому, хотя я и легла сразу после ужина, уснуть никак не получалось. Сначала слушала разговоры мужчин — сегодня отчего-то весьма сжатые. Затем часовые отправились на посты, а остальные легли (по моим ощущениям, раньше, чем на прошлых ночёвках).

«Как будто завтра для их такой же серьёзный день, как для меня», — подумала я.

Постаралась устроиться поудобнее, расслабиться и уже почти задремала, как вдруг ночную тишину разорвал леденящий духу предсмертный крик.

Глава 29

Я вскочила, схватившись за кинжал и почти впрыгнув в сапожки. По ту сторону занавеси вспыхнул свет, и одновременно раздался глухой «Бух!».

«Дверь выбили», — пронеслось в голове.

Затопали ноги, зазвенел металл. Удары, крики — воинственные и боли. Я вжалась спиной в стену, судорожно соображая, что же делать. Рядом, прижав ладонь ко рту, тряслась Улла.

Если победят чужаки, наша с ней участь будет более, чем печальна.

Где-то совсем рядом раздался ещё один «Бух!», и меня осенило.

— Женский выход! — бросила я Улле.

В самом деле, к главному — мужскому — выходу нам через бой не пробиться. Но к противоположному — женскому, — вполне можно попробовать. Надо только решиться выбраться из-за занавеси.

Я торопливо опоясалась и крепче сжала кинжал во вдруг вспотевшей ладони. Скомандовала Улле:

— По команде, на счёт три, бежим к женскому выходу! Один, два…

Но досчитать не успела. Занавеска с треском отлетела в сторону, и перед нами возник могучий «шкаф с антресолями», как называли таких мужчин во времена моего детства. Из общей картинки я выхватила заросшую бородой рожу со звериным оскалом и окровавленный топор в руке, а затем в унисон с испуганным визгом Уллы издала воинственный клич и рванула прямо на врага.

И судьба оценила мои слабоумие и отвагу. Мужик замахнулся на меня топором, однако я ухитрилась проскочить у него под рукой. Наугад ткнула кинжалом, куда-то попала и помчалась дальше — к спасительному проёму на месте выбитой двери. Чудом увернулась от одних сражающихся, от вторых, ещё раз ткнула кинжалом в спину кого-то из врагов (точно врагов, поскольку он уверенно наседал на Ивара) и уже была в шаге от свободы, как чья-то рука цапнула меня за фальшивую косу.

— Стоять!

От сильного рывка из глаз хлынули слёзы. И спасло меня

лишь то, что заколки, которыми была приколота коса, не выдержали. Как лишившаяся хвоста ящерица, я выскочила из дома и, не разбирая дороги, рванула к лесу.

— Стоя-ять!

Да счас прям! Я неслась зайцем, подобрав подол хангерока и нижней рубашки и благословляя надетые под них штаны. Наконец влетела в спасительный лесной полумрак и, опасно не снижая скорости, запетляла между елями. Несколько раз получила ветками по лицу, дважды едва не грохнулась, запнувшись о корень, а на третий раз всё-таки не удержала равновесие. Кубарем скатилась в какой-то овражек и замерла, стараясь понять, точно ли ничего не сломала.

А ещё — дышать тише и расслышать за шумом в ушах и буханьем сердца, далеко ли погоня.

Но сколько я ни вслушивалась, сколько ни напрягала глаза, чтобы хоть что-то разглядеть в окружавшем меня густом сумраке, опасности не замечала. Неужели меня потеряли? Неужели не станут искать?

«Всё равно надо спрятаться. Где-то пересидеть до утра».

Мысль была мудрой, и я осторожно зашевелилась. Села; посомневавшись, спрятала кинжал в ножны у пояса. Ещё раз

всмотрелась в стенку оврага перед собой: да, вон там, справа, вроде бы можно укрыться под корнями растущей на краю ели. Всё вокруг казалось мирным, и я на четвереньках сделала перебежку к убежищу. Забилась в подобие норы, скрючившись в три погибели — ничего, зато фиг кто меня найдёт, — и наконец-то более или менее выдохнула.

Итак, что же случилось? Кто напал на пристанище? Разбойники? Выходит, они следили за ним, может, даже специально поддерживали дом в неплохом состоянии. И если бы у них получилось бесшумно снять обоих часовых, отряд перерезали бы, как кур.

Впрочем, кто сказал, будто победа в итоге улыбнулась нашим? У меня не было возможности оценить силы нападавших, я вообще тревожилась только об одном: остаться в живых.

А в результате осталась ещё и в одиночестве посреди леса.

«Зато жива, здорова и вооружена, — хмуро подумала я, на всякий случай проверив, на месте ли кинжал. — До утра предпринимать что-либо не имеет смысла. Значит, стоит постараться отдохнуть».

Три раза «ха». Отдохнёшь тут, прячась в овраге, как хоббит от назгула. К тому же я была хоть и в тёплой одежде, но

без плаща. Взмокшая за «пробежку» рубаха чувствительно холодила спину; от лесной стылости и пережитого начинали постукивать зубы.

И тем не менее я постаралась расслабиться и даже закрыла глаза — толку от них всё равно не было. Однако ушами ловила малейший звук и то и дело задерживала дыхание, когда казалось, будто поблизости слышался треск сломанной ветки или шорох шагов.

А ночь всё тянулась и тянулась. Перед рассветом овражек затопил туман, и тут я, уже не стесняясь, начала выбивать зубами чечётку. Тем не менее дождалась, пока тёмно-асфальтовый сумрак не посереет до перламутровости, и только тогда настороженным зверьком выбралась из укрытия. Вновь прислушалась, присмотрелась, даже принюхалась — вроде бы опасаться нечего. Поправила одежду, проверила, удобно ли выхватывать кинжал из ножен и как могла тихо направилась в ту сторону, откуда, по моим ощущениям, прибежала ночью.

Уходить вглубь леса было верной смертью. Потому, чего только не передумав за ночь, я решила рискнуть: попробовать вернуться к пристанищу. Наши ведь могли взять верх, а если нет — вдруг получилось бы раздобыть что-нибудь нужное для одинокой дороги. Рваный плащ, кремень и огниво, какая-то еда — мало ли что могли оставить после себя разбойники. Возможно, мне удалось бы получше разобраться в

том, что случилось ночью. Возможно, даже помочь кому-нибудь из своих (кроме Дагена, конечно. Так далеко мой альтруизм не простирался).

Главное, быть очень-очень внимательной. Не заплутать в лесу. Не попасться на глаза врагам.

И после решить, куда же мне идти дальше.

Глава 30

Вроде бы бежала я не очень долго — по ночному лесу особенно не поносишься, и остановивший меня овражек это прекрасно подтвердил. Однако я шла и шла, а ни пристанища, ни хотя бы просто опушки впереди не видела.

«Трындец. Неужели снова заплутала? А тут ни Агды, ни Гери, чтобы меня вывести…»

Я грызла губы, стараясь не поддаваться отчаянию (непростая задача после бессонной ночи в земляной дыре). Однако оно постепенно и неотвратимо затапливало душу, как прилив — берег. И когда я была на волоске оттого, чтобы сдаться ему, в стороне под чьей-то ногой треснула ветка.

Миг — и я уже пряталась за стволом ближайшей ели, молясь, чтобы её широкие лапы надёжно скрыли меня от чужого взгляда.

Зашуршала прошлогодняя хвоя: кто-то определённо шёл мимо. И хотя это было весьма рискованно, я всё-таки осторожно выглянула из-за дерева. Вдруг это кто-то из людей Ульрика меня разыскивает?

Однако было не похоже, чтобы этот неестественно скособоченный мужчина кого-то искал. Скорее, сам опасался быть

замеченным, бросая по сторонам внимательные взгляды и не снимая ладонь с боевого топора. Он уже прошёл мимо, и я смотрела ему в широкую спину, затянутую обычной для воинов кожаной курткой. Точно не издавала ни звука, однако мужчина словно почувствовал взгляд. Резко обернулся, и я не сдержала тихое восклицание. А затем без раздумий показалась из своего укрытия.

— Ивар!

В руке сына Ульрика блеснул топор, однако его лезвие почти сразу опустилось — Ивар узнал меня. Нахмурился:

— Ты? Не в плену? — и внезапно вскинулся, что-то услышав.

Не теряя ни секунды, я юркнула обратно за ель: выяснять, что встревожило Ивара безопаснее было оттуда. Впрочем, в этом укрытии я не долго была одна — мой товарищ по несчастью тоже поспешил спрятаться. Мы с ним замерли, бог весть насколько успешно мимикрируя под два причудливых валуна, и не напрасно.

Воинов было трое, и шли они мягкими шагами охотившихся хищников. Вот тут я даже не сомневалась: это из тех, кто ночью напал на пристанище. И на всякий случай даже дышать стала через раз.

— Дурная затея, — вполголоса заметил один из неприятелей, остановившись буквально напротив нашей ели. — Девка, небось, ещё ночью шею свернула или какому зверю в когти попалась. А даже если нет, всё равно не выберется сама из леса. Чего б Видару не сказать, будто девку порешили, как требовалось?

— Чего-чего, — проворчал другой. — Того. Коли девку порешили, надо доказательство предъявить, да посерьёзнее тряпки с лица. Браслет обручальный или ещё чего. Вот и ищем. Хотя девка мутная. Косу вон фальшивую оставила.

— Эт-точно, — согласился первый. — Хотел бы я знать, чего Видару та тира наболтала. И, видать, важного — не зря он её себе оставил, не стал делиться.

Так вот что случилось с Уллой! Меньшее из зол, по-другому не назовёшь. А заплатила она за это тем, что сдала меня с потрохами.

— Хорош болтать! — отрывисто бросил третий из мужчин, ушедший вперёд. — Сюда лучше гляньте: след?

Спутники присоединились к нему, и мы с Иваром синхронно выглянули из-под ветвей. Примерно в дюжине шагов

от нас неприятели что-то рассматривали на земле.

— След, — наконец постановил тот, кто жаловался на пустые поиски. — Туда побежала. — И махнул рукой вглубь леса.

— Тогда тихо и вперёд, — буркнул обнаруживший след, и мужчины заскользили между деревьями с прежней грацией стаи вышедших на охоту волков.

Мы с Иваром выждали, пока они совсем не скроются из виду, да и после этого товарищ по несчастью не спешил выходить из-за спасительной ели. Долго вслушивался и вглядывался в лес, а я смотрела на него: скрюченного на левый бок, со свежей царапиной через всю щёку, в заляпанной своей и чужой кровью одежде.

Выжил ли ещё кто-нибудь из нашего отряда? И что теперь делать нам? Кто вообще эти люди — ясно же, не просто разбойники?

Но место и время были откровенно не подходящими для разговора. И потому я просто ждала, пока Ивар скажет (или покажет), как действовать дальше. В конце концов, у него в подобных вещах опыта должно было быть гораздо больше.

И наконец сын Ульрика решил, что враги ушли достаточно далеко. Молча сжал мою руку и так же молча повлёк за со-

бой в сторону, противоположную и той, откуда пришёл сам, и той, куда направились вражеские воины. Не задавая вопросов, я последовала за ним, стараясь ступать как можно тише.

Ещё успеем поговорить — главное, оказаться в безопасности.

Глава 31

По одному ему видимым приметам Ивар разыскал тихий и тенистый лесной ручеёк, бежавший по дну длинного оврага. Там он знаком велел мне разуться, и мы ещё метров двести или триста прошли по ледяной воде вверх по течению. Выбрались на берег и наконец устроили привал под сенью росших близко друг к другу елей. От постороннего взгляда нас укрывали не только их развесистые лапы, но и бурелом — по сути, подойти к этому месту можно было только по ручью.

— Дай посмотрю твою рану.

Это были мои первые слова с момента нашей встречи, и в принципе, я не сказала ничего сверхъестественного. Почему же Ивар как-то странно на меня взглянул? Разбираться не стала, тем более что он послушался и принялся молча стаскивать куртку.

Опыт в лечении ран у меня был откровенно куций. Конечно, Агда рассказывала, какими отварами их промывать и какие повязки накладывать, да только из всех отваров сейчас я могла воспользоваться лишь водой (даже не кипячёной!), а на повязки использовать не самый чистый подол рубашки. И всё же оставлять рану без обработки казалось худшим ва-

риантом.

— По рёбрам чиркнули, — заметил Ивар, когда я замерла в раздумье, глядя на большое пятно запёкшейся крови у него на рубахе. — Заживёт.

Ну да, ну да. Если какая-нибудь особо вредоносная бацилла не прицепится. Однако кровь вроде бы больше не шла, а отдирать ткань от раны означало разбередить последнюю. Стоило ли так делать в окружавшей нас полной антисанитарии?

Я прикусила щеку и посмотрела Ивару в лицо.

— Каков наш дальнейший план?

Сын Ульрика повёл плечом.

— Надо дождаться темноты. Вряд ли они станут разыскивать тебя слишком долго. А когда уйдут, можно выбираться к дороге и идти в Вестфольд.

На моём лице отразился нескрываемый скепсис. Да, до резиденции ярла Ронгвальда осталось не так уж много, но уже к полудню Ивара наверняка свалит лихорадка. Чиркнули, не чиркнули — законы биологии никто не отменял. И куда ему

в таком состоянии брести, тот ещё вопрос.

— У меня другое предложение. Сейчас мы просто наложим повязку поверх рубашки, чтобы не дёргать рану. А когда стемнеет, отправимся в пристанище. Там есть очаг и, быть может, найдётся котелок, чтобы нагреть воды и уже как следует позаботиться о твоей ране.

Глаза Ивара сверкнули: ишь, женщина! Нет бы слушаться, так она со своим лезет! Но то ли в мою пользу сработало обучение у Агды, то ли лихорадка уже подступала, то ли у сына Ульрика и впрямь в голове были мозги, а не «мужицкая гордость». Немного поиграв со мной в «кто кого переглядит», он угрюмо кивнул и отвернулся, всем видом демонстрируя спартанский стоицизм.

Отрезанные от подола полосы я прежде всего выстирала в ручье. Одну сложила своеобразной подушкой и после аккуратно, но крепко примотала второй к пострадавшему боку Ивара. Помогла раненому улечься на щедро усыпанную хвоей землю, а сама расположилась рядом. Солнце поднялось достаточно высоко, чтобы ночной холод отступил даже из-под густых еловых ветвей. Лесная чаща была полна обычных, мирных звуков: едва слышного журчания ручья, шороха ветра, редкой птичьей переклички. Где-то стучал дятел, иногда раздавалось цоканье белки. Лес жил своей жизнью, не обращая внимания на чужаков, и это странным об-

разом успокаивало. К тому же сказывалась бессонная ночь, из-за которой веки наливались чугуном, и ни пустой желудок, ни страх быть обнаруженными не могли отогнать подступавшую дрёму.

Тем не менее я крепилась. То и дело проверяла, как там Ивар, и если в первый раз он дёрнулся, почувствовав прикосновение ко лбу, и едва ли не схватился за топор, то позже перестал реагировать на мои осторожные прикосновения.

Как и следовало ожидать, температура у него подскочила. Я пожертвовала ещё один лоскут на компресс и периодически ходила к ручью, чтобы охладить его в ледяной воде. Обтирала Ивару лицо, смачивала обмётанные лихорадкой губы, хмурилась: что бы ещё придумать? Ни антибиотиков, ни жаропонижающих, ни просто возможности напоить его тёплым питьём. Во время одного из походов к воде мне повезло заметить несколько кустиков брусники и, ободрав с них все ягоды до последней, я отнесла добычу раненому. По ягодке скормила ему — всё-таки витамин С, антиоксиданты и прочие полезности.

Впрочем, Ивар отнёсся к моему поступку без особенной благодарности. На автомате сжевав несколько брусничен, вдруг перехватил меня за запястье и прохрипел:

— Дальше ручья не ходи, слышишь?

— Слышу, — хладнокровно подтвердила я. — Это с кустов у самой воды. Ешь, тебе сейчас нужно.

Ещё пару секунд Ивар сжимал мою руку — и отпустил. Доел ягоды и вновь погрузился в забытьё. Я же переложила компресс у него на лбу прохладной стороной вниз и устало прилегла рядом. Подушка из елового корня была откровенно так себе, однако выбирать не приходилось. Я смотрела на сплетение ветвей над головой, на затерянные в нём редкие клочки синевы и вновь перебирала в уме то, что успела узнать у раненого.

Глава 32

— Не скажу, сколько их было. Пара дюжин? Да, пожалуй. Двое на одного. Я положил троих — помню, ты помогла. Спасибо за это. Так вот, положил троих, а четвёртый достал меня. Потом удар по голове. Очнулся, когда их главарь ходил между трупов и бранил остальных, что поймали не ту девку.

Тут рассказчик замолчал — долго говорить не получалось, нужно было перевести дыхание. Я терпеливо ждала, пока наконец не услышала продолжение.

— Я понял, что если покажу, что жив, — умру наверняка. Притворился мёртвым. Меня вместе с остальными вытащили из пристанища, отволокли в лес. Сбросили в овраг, закидали ветками. Дождался, пока враги уйдут, и выбрался из оврага. Ночью бродить по лесу опасно, потому нашёл себе укрытие под деревьями. До утра. Собирался выйти на дорогу, но не около пристанища, а дальше. Встретил тебя.

Вновь возникла пауза: история была завершена, пришло время вопросов.

— Ты знаешь, кто они? И зачем им я?

Рассказчик ответил не сразу.

— Сначала думал — разбойники. Злился, что разведка никого не заметила. Потом понял: ловушка. Кто-то не хотел, чтобы свадьба ярла Ронгвальда состоялась. А может, собирался взять выкуп. И с ярла, и с отца.

В целом, логично.

— Кто-то из Вестфольда? — Потому что откуда иначе ему могли быть известны подробности? Вряд ли каждая собака на полуострове знала, какой дорогой и с какой охраной везут дочь Ульрика Серого Лиса.

— Наверное. — Рассказчик устало прикрыл глаза, и я поспешила задать новый и немаловажный вопрос.

— Погоди! Почему ты думаешь, что к вечеру они уйдут от пристанища?

— Главарь обмолвился, что времени мало. Им надо скорее возвращаться. Куда не сказал.

Я покусала губу. В принципе, важное узнала, вот только напоследок стоило спросить ещё кое о чём.

— Как думаешь, кроме тебя кто-то выжил?

Раненый молчал так долго, что стало казаться: впал в забытье и не ответит. Однако, в конце концов, он разлепил бескровные губы.

— В овраге было шестеро, не считая меня. Может быть, остальным удалось спастись.

Тогда я подумала: возможно, в этом разгадка? Разбойники спешат убраться, потому что опасаются возмездия? Очень хотелось бы верить. Поскольку в какую сторону ни покрути, а возвращаться в пристанище придётся. Иначе слишком уж велика вероятность, что в скором времени тело Ивара вновь окажется в каком-нибудь овраге.

Только теперь навсегда.

***

Каким бы бесконечным ни казался день, но и он постепенно начал угасать. Удлинились тени, стало холодать. Лоскуток неба над головой потерял беспечную синеву, налился темнотой. Вот зажглась первая звёздочка — пока едва заметная, как одинокая песчинка, как я, затерянная в лесах чужого времени. Но свет её становился ярче, а рядом возникали новые и новые серебряные искорки. Наступала ночь, а значит, пора было выдвигаться.

Честно, я боялась, что Ивар не поднимется, и придётся… Да леший его знает что придётся. Тащить раненого на себе? Делать перевязку в темноте? Один вариант краше другого, а выбирать не хотелось никакой.

Но зря я недооценивала крепость викинговского организма. Когда сумерки достаточно сгустились, доселе пребывавший в коматозе Ивар с трудом открыл глаза.

— Как ты? — немедленно спросила я. — Пора бы идти.

Раненый едва заметно кивнул. Немного полежал, видимо, собираясь с силами, и зашевелился.

— Точно сможешь встать? — засуетилась я, тем не менее подставляя ему плечо.

Вопрос остался без ответа, однако Ивар, тяжело наваливаясь на меня, всё же поднялся на ноги.

«Сейчас же по ручью идти! — От этого соображения мне слегка поплохело. — А если он поскользнётся? Упадёт?»

И всё-таки мы побрели к воде. Там я помогла Ивару напиться и снять башмаки, а затем мы медленно двинулись вперёд.

От падений нас, пожалуй, спасло то, что мы держались друг за друга. А ещё холодная вода будто взбодрила раненого. И хотя он по-прежнему пылал, как печка, в движениях его прибавилось живости.

Однако я весьма смутно представляла, как он сможет отыскать дорогу к пристанищу. Темнело с пугающей быстротой, а лично у меня не было и малейшего понятия, в какую сторону двигаться.

Зато у Ивара оно имелось — к счастью для нас обоих. Не знаю, из каких скрытых резервов он черпал силы, однако, несмотря на нетвёрдую походку и то, что до сих пор опирался на меня, направление выбирал вполне уверенно. Только пару раз останавливался в раздумье, но быстро принимал решение, и мы шли дальше.

Было бы неправдой сказать, будто я не чувствовала сомнений и не гнала от себя мрачные мысли. Однако помалкивала — лишь опасливо прислушивалась и приглядывалась к засыпавшему лесу. Вдруг Ивар остановился, заставив меня вздрогнуть, и указал куда-то вперёд. Я всмотрелась в полумрак: просветы между деревьями? Неужели поляна с пристанищем? Заглянула Ивару в лицо, и он молча кивнул. Приложил палец к губам: ещё тише. И мы, как могли крадучись, двинулись вперёд.

Глава 33

На первый взгляд пристанище и впрямь пустовало. Однако Ивар добрых полчаса присматривался к полянке, дому и окрестностям, прячась вместе со мной за раскидистой елью. И наконец прошептал:

— Жди здесь. Проверю.

— Куда один? — вцепилась я в него. — А если засада? А если просто из-за раны упадёшь?

На лице Ивара отразилась оскорблённость в лучших чувствах, заметная даже в весьма скудном освещении. Однако руку мою он не стряхнул, а аккуратно убрал и ответил:

— Будет засада — ты убежишь. Пробирайся в Вестфольд: дорога прямая, не заплутаешь. А упасть я не упаду.

И не дожидаясь возможных контраргументов, он почти неслышно растворился в ночном сумраке.

Сама не своя от беспокойства, я затаилась за деревом. Почему Ивар не вышел прямо из нашего укрытия, было понятно: хотел ввести в заблуждение возможных наблюдателей. Но откуда же тогда он решил появиться?

У противоположного края поляны мелькнула тень. Ивар? Враг? Я напряглась буквально всем телом, готовая хоть бежать, хоть драться. А тень (стала заметна её скособоченность, и я немного выдохнула) между тем приблизилась к выбитой двери восточного — женского — входа. Осторожно заглянула внутрь, выждала некоторое время и исчезла в чёрном зеве проёма.

Я затаила дыхание. Услышу ли шум боя? Или наоборот, сигнал, что всё чисто? Отвернётся от нас удача или продолжит благоволить?

Несколько бесконечно долгих минут весы судьбы колебались, но наконец тень выскользнула из дома. Повернулась в мою сторону, скованно махнула рукой, и я поспешно выбралась из укрытия. Короткая перебежка под неверным светом звёзд и едва поднявшейся над холмистым горизонтом луны, и Ивар тихо сказал мне:

— Пусто. Но прежде чем разжигать очаг, надо закрыть оба выхода.

Я кивнула и в свою очередь прошептала:

— Сама всё сделаю. Иди ляг.

Последнее было сказано неспроста: бледностью Ивар мог поспорить с любым привидением. И очень похоже, ему и в самом деле было на редкость плохо — как минимум потому, что спорить со мной он не стал. Просто развернулся и ушёл в дом, а я, нервно оглянувшись (тролль его знает, вдруг сейчас кто-нибудь как выскочит, как выпрыгнет?) занялась прилаживанием двери обратно.

Разумеется, вернуть её на петли у меня не получилось бы. Пришлось просто прислонить её к косяку с тем, чтобы потом для большей надёжности придвинуть ещё и лавку. Так же я собиралась поступить с западной, с дороги видимой, дверью, но тут нам повезло. Её выбили не до конца — оставили болтаться на одной петле. Потому получилось подпереть её дровяным чурбаком, закрыв таким образом без предательской щели.

Пока я развлекалась со всем этим, Ивар тоже не валялся пластом. Он сумел найти в доме масляную лампу и зажёг её, чем значительно облегчил мне «починку» дверей. Правда, затем я всё же уложила полумёртвого помощника на лавку перед очагом, развела огонь (спасибо Агде за науку) и занялась выяснением, что же мы приобрели, кроме пристанища и опасности попасться в мышеловку.

Всё оказалось совсем не так плохо, как можно было ожидать. Враги увели лошадей и повозку, но собирать раскиданные по дому вещи особо не стали. Таким образом у нас появились котелок и кружка, пусть и слегка помятые, тощий

мешок с остатками сухпайка и (здешние боги и впрямь к нам благоволили) сумка с травами, которую я всегда брала с собой на ночлег, а не оставляла в повозке. Столь богатый улов позволил мне воспрянуть с духом и подарил энергию для дальнейших хлопот.

За водой пришлось идти к колодцу. Ивар напутствовал меня сиплым:

— Будь осторожнее! — да я и сама постаралась обернуться как можно быстрее и почти всё время держала руку на эфесе кинжала. Однако обошлось, и вскоре в подвешенном над очагом котелке уже грелась вода.

Пользуясь моментом, я пошла на поводу у желудка и сжевала кусок вяленого мяса и жёсткую лепёшку. Ивар от своей доли отказался — ему было слишком плохо. Я решила позже попробовать приготовить для него подобие тюри на бульоне, проварив в воде кусок мяса и размочив лепёшку. Пока же просто напоила раненого тёплой водой, заварила в кружке листья и сушёные ягоды брусники, а в котелок закинула тысячелистник и зверобой для антисептического отвара.

И вот наконец-то пришло время заняться раной.

Присохшую к коже ткань я методично отмочила водой, к своей гордости почти не растревожив рану. Впрочем, она всё равно выглядела плохо — воспаление шло вовсю. При первом взгляде на неё у меня упало сердце, однако я поспешила

себе напомнить: будь всё совсем плохо, Ивар не добрался бы от ручья до убежища. Значит, оставался нехилый шанс, что даже у столь сомнительной целительницы, как я, получится его вылечить.

Подбодрив себя таким образом, я занялась обработкой раны. Смыла кровь, убрала присохший мусор и положила на рану антисептический компресс из чистой тряпицы (Агда знала, что класть в сумку!), пропитанной отваром. Принялась перебирать содержимое «аптечки» и вдруг почувствовала на себе пристальный взгляд. Подняла голову, встретилась глазами с Иваром.

— Что?

Но раненый не ответил. С непроницаемым видом смежил веки, и я слегка пожала плечами: если что-то важное, выяснится само. Достала сушёный сфагнум, который здесь использовали вместо ваты и корпии и перевязала рану. Затем напоила Ивара «чаем» из брусники, и когда отвернулась, чтобы поставить кружку на стол, услышала в спину:

— Я ошибался.

— О чём ты? — Я посмотрела на раненого через плечо.

— О сожалениях, что спас тебя, — ответил тот.

Вновь закрыл глаза, показывая, что разговор закончен, и потому не увидел тронувшую мои губы лёгкую улыбку.

Наконец, с основными хлопотами было покончено. Я в последний раз сходила за водой, плотно закрыла дверью восточный проход и оба входа забаррикадировала поставленными на попа лавками. Поставила вариться бульон из вяленого мяса, чтобы накормить раненого, и наконец-то прилегла сама. Сил осталось на самом донышке, но ложиться спать можно было лишь после того, как будет готова тюря. Потому я кое-как удерживала себя на границе сна, слушая потрескивание дров, побулькивание котелка и тяжёлое дыхание Ивара.

И вдруг к этим звукам добавился ещё один. Сначала я решила, что он мне снится, однако доселе неподвижно лежавший Ивар зашевелился, стараясь нащупать рукоять стоявшего рядом топора. Тогда я, с усилием стряхнув с себя дремоту, торопливо поднялась с лавки. Погасила лампу, раскидала угли в очаге, чтобы скорее погасли. В наступившем полумраке посторонний звук раздался уже за восточной дверью, и теперь уже можно было точно разобрать: это чьи-то шаги.

С резким выдохом Ивар сел на лавке, сжимая в руке топор. Я обнажила свой кинжал, прикидывая, как нам лучше бежать.

И тут с той стороны послышался знакомый голос:

— Эй! Впусти, всё хорошо! Это я!

Я поймала взгляд Ивара и сжала зубы с той же силой, что и рукоятку кинжала.

Голос снаружи совершенно точно принадлежал Дагену.

Глава 34

Прозвучит «не по-христиански», как сказала бы моя бабушка, но Даген был единственным из нашего отряда, чьей смерти я бы порадовалась. Увы, он оказался из той породы людей, которые, как фекалии, выплывут из любой передряги. И как не печально, не открывать ему у нас не было причин.

Однако Ивар отчего-то не спешил давать для этого знак.

— Эй! — снова послышалось с той стороны. — Я знаю, ты в пристанище! Ивар! Открой!

Я нехотя шагнула к двери, однако раненый жестом меня остановил. Покачиваясь, подошёл к выходу сам и сдвинул лавку в сторону, едва её не уронив. Бросил:

— Входи! — и отступил, продолжая держать топор наготове.

От неаккуратного толчка дверь с грохотом упала, отчего я дёрнулась, будто меня ударили. В проёме возникла тёмная мужская фигура, шагнула че

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.